ПАТРІАРХЪ

НИКОНЪ

ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ

и

ОБРЯДОВЪ.

Высокопреосвященнѣйшаго

Макарія,

Митрополита Московскаго.

МОСКВА.
Типографія М. П. Лаврова и К., Леонт. пер., соб. домъ.
1881.

3937 1г

3237

ПАТРІАРХЪ
НИКОНЪ
ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ
И
ОБРЯДОВЪ.

Высокопреосвященнѣйшаго
Макарія,
Митрополита Московскаго.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К., Леонт. пер., соб. домъ.
1881.

3X
597

Печатать дозволяется. 3 Ноября 1881 года.

М. Д. Академіи, Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Общ[illegible]
Академии Наук СССР
627
59

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Статья Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго.

Когда скончался патріархъ Іосифъ (15-го апр. 1652 г.), всѣ въ Москвѣ могли догадываться, что преемникомъ его на патріаршей каѳедрѣ будетъ не кто другой, какъ Новгородскій митрополитъ Никонъ, который и при жизни Іосифа былъ главнымъ совѣтникомъ царя Алексѣя Михайловича въ дѣлахъ церковныхъ и возвышался надъ всѣми, сколько своими личными достоинствами, столько же или даже болѣе неограниченною довѣренностію и любовію къ нему государя. Никону пророчили патріаршество еще въ то время, лишь только онъ сдѣлался митрополитомъ. Сохранилось сказаніе, что когда онъ, прибывъ въ Новгородъ, поѣхалъ въ хутынскій монастырь къ проживавшему тамъ на покоѣ своему предмѣстнику, митрополиту Аѳонію, мужу святой жизни, но, по старости и безпамятству, добровольно оставившему свою каѳедру, и началъ просить у него себѣ благословенія, то Аѳоній отвѣчалъ: „ты меня благослови“, и послѣ долгаго препирательства между ними объ этомъ, сказалъ наконецъ: „благослови меня, патріарше“. Никонъ замѣтилъ: „нѣтъ, отче святый, я грѣшный

митрополитъ, а не патріархъ“... „Будешь патріархомъ, и благослови меня“, пояснилъ свою мысль Аѳѳоній, и дѣйствительно первый принялъ благословеніе отъ Никона, а за тѣмъ благословилъ его. Для подобнаго предсказанія о патріаршествѣ Никона было уже тогда достаточно основаній.

Но случилось такъ, что послѣ кончины патріарха Іосифа, довольно долго Никона не было въ Москвѣ: онъ путешествовалъ въ соловецкій монастырь, чтобы перенести оттуда въ столицу мощи святителя Филиппа. И нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться отсутствіемъ Никона и не допустить его до патріаршаго престола. Извѣстный протопопъ Юрьевца-Повольскаго Аввакумъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что духовникъ государевъ,—тоже лице, имѣвшее великую силу у Алексѣя Михайловича,—протопопъ благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ цѣлую седмицу постился „съ братіею“ и молился Богу о дарованіи Россіи новаго патріарха. И, по окончаніи седмицы, братія, вмѣстѣ съ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ, подали, за собственноручными подписями, царю и царицѣ челобитную „о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ“. Кто же были эти люди, которыхъ Аввакумъ называетъ „братіею“? Это были, какъ видно изъ автобіографіи и изъ другихъ сочиненій Аввакума, протопопъ казанскаго собора въ Москвѣ Иванъ Нероновъ, человѣкъ весьма сильный въ московскомъ духовенствѣ и близкій къ царю, самъ онъ—протопопъ Аввакумъ, протопопы—костромскій Даніилъ и муромскій Логгинъ, и вообще тѣ самыя лица, которыя явились впослѣдствіи первыми противниками Никона въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ и первыми виновниками раскола. Такимъ образомъ еще прежде, нежели Никонъ сдѣлался патріархомъ, люди эти уже

питали къ нему чувства непріязни, хотя онъ въ то время, по свидѣтельству самаго Аввакума, былъ и считался ихъ другомъ. Эти люди, особенно Вонифатьевъ и Нероновъ, привыкшіе, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, заправлять дѣлами въ церковномъ управленіи и судѣ, желали и теперь удержать за собою всю власть надъ церковію и, не безъ основанія, опасались Никона, достаточно ознакомившись съ его характеромъ. Зналъ ли, или не зналъ Вонифатьевъ о челобитной, поданной о немъ „братіею“ царю и царицѣ, но онъ имѣлъ настолько благоразумія, что отказался отъ чести, ему испрашиваемой, и даже самъ будто бы указалъ царю на митрополита Никона, какъ достойнѣйшаго кандидата для занятія патріаршей каѳедры. Тогда царь отправилъ къ Никону посланіе (это было уже къ концу мая), въ которомъ, извѣщая его о смерти патріарха Іосифа и величая самого Никона своимъ „возлюбленнымъ любимцемъ и собиннымъ другомъ, душевнымъ и тѣлеснымъ“, писалъ къ нему: „возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ обирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста (т. е. Богу извѣстнаго), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся“, и еще далѣе: „и ты, владыко святый, помолись, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему—Свѣту годенъ, имя вышеписанное; а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору; а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный (т. е. Вонифатьевъ), тай не въ примѣръ, а сказываютъ: святъ мужъ“. Никонъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что рѣчь была о немъ. И, возвратившись въ Москву 9-го іюля, когда принесены были въ нее мощи святителя Филиппа, спѣшилъ съ поклонами и ласками къ своимъ друзьямъ, Вонифатьеву и прочей братіи, чтобы не случилось ему отъ нихъ какой помѣхи достигнуть

патріаршества. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Аввакумъ [1]).

Для избранія новаго патріарха составленъ былъ „чинъ", по которому оно должно было совершаться. Въ чинѣ говорилось, что благочестивый царь, не желая видѣть церковь какъ бы вдовствующею, разослалъ грамоты во всѣ концы своего государства, ко всѣмъ святителямъ, и извѣщая ихъ о смерти патріарха Іосифа, приглашалъ ихъ собраться въ Москву для избранія новаго верховнаго пастыря, и что, вслѣдствіе этого, въ Москву прибыли четыре митрополита: новгородскій Никонъ, казанскій Корнилій, ростовскій Варлаамъ, сарскій Серапіонъ и три архіепископа: вологодскій Маркеллъ, суздальскій Серапіонъ и рязанскій Мисаилъ, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и священниковъ, а прочіе архіереи, которые почему либо не могли прійдти, прислали священному собору повольныя грамоты о своемъ согласіи. Собравшимся святителямъ царь приказалъ: „ко избранію на патріаршескій престолъ написати двѣнадцать мужей духовныхъ". Святители исполнили волю царя, и, написавши, „прислаша къ нему имена 12-ти духовныхъ мужей". Іюля въ 22-й день послалъ царь своего боярина Василія Васильевича Бутурлина да думнаго дьяка Волошенинова сказать святителямъ и всему собору, чтобы они изъ тѣхъ 12-ти мужей избрали одного достойнѣйшаго

---

[1]) *Шушерин.* Житіе Никона. стр. 11, Москв. 1871; *Аввак.* Автобіогр. его—въ Матеріал. для исторіи русск. раскола, издан. братствомъ Св. Петра митрополита, т. V, стр. 17—19; А. Э. IV, № 57, стр. 77.81. Протопопъ Иванъ Нероновъ также говорилъ впослѣдствіи самому Никону отъ лица своей братіи, что до патріаршества онъ былъ ихъ другомъ, и не прекословилъ, когда, по совѣту государева духовника Стефана, назначались лица въ митрополиты, архіепископы, епископы, въ архимандриты, игумены и протопопы (Матер. для исторіи раскола, 1, 47).

быть патріархомъ „мужа благоговѣйнаго и преподобнаго“, и потомъ пришли въ золотую палату извѣстить о томъ государю. Святители, со всѣмъ соборомъ, исполнили и эту царскую волю, и когда пришли въ золотую палату, то казанскій митрополитъ Корнилій возвѣстилъ государю отъ лица всѣхъ, что они изъ 12-ти духовныхъ мужей избрали на патріаршій престолъ Никона митрополита новгородскаго, а за тѣмъ предложилъ государю идти, „для такова великаго дѣла“, въ соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Богъ, по предстательству Пресв. Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ, „то великое дѣло совершилъ“. Государь велѣлъ впередъ идти въ соборную церковь святителямъ съ прочимъ духовенствомъ и, переговоривъ съ своими боярами объ избраніи патріарха, пошелъ туда и самъ. Въ церкви совершены были всѣмъ соборомъ молебствія: Пресв. Троицѣ, Духамъ безплотнымъ, Пресв. Богородицѣ съ акаѳистомъ, св. апостоламъ и св. чудотворцамъ московскимъ — Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу. По окончаніи молебствій, царь, посовѣтовавшись съ Корниліемъ казанскимъ и со всѣмъ соборомъ, послалъ „по новоизбраннаго патріарха“ на новгородское подворье митрополита сарскаго да архіепископа рязанскаго, и съ ними боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодановскаго и думнаго дьяка Волошенинова. Такъ все это должно было происходить по напередъ составленному чину избранія, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что такъ дѣйствительно и происходило. Но за симъ послѣдовало неожиданное отступленіе отъ чина. По чину предполагалось, что какъ только Никонъ услышитъ отъ посланной къ нему депутаціи повелѣніе государя явиться въ соборную церковь, по случаю избранія его на патріаршество, онъ тотчасъ явится, ска-

жетъ рѣчь государю, приметъ отъ него и отъ всѣхъ поздравленіе и проч. Вышло однакожъ не такъ: Никонъ не захотѣлъ идти въ соборную церковь, — о чемъ депутація и возвѣстила царю и всему собору. Посылали за Никономъ еще не однажды, не дважды, а много разъ: Никонъ не покорялся. Послалъ, наконецъ, государь главнѣйшихъ своихъ бояръ и архіереевъ, чтобы они взяли Никона противъ его воли и привели на соборъ: Никонъ былъ приведенъ. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять Никона, да будетъ патріархомъ въ Москвѣ и Россіи; но Никонъ не соглашался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и немогущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Прошло много времени въ напрасныхъ мольбахъ. Наконецъ, царь и всѣ присутствовавшіе въ церкви пали на землю и со слезами молили Никона принять патріаршество. И не вытерпѣлъ Никонъ, при видѣ царя въ такомъ положеніи, заплакалъ самъ вмѣстѣ со всѣми и, вспомнивъ, что сердце царя, по писанію, въ рукѣ Божіи, обратился къ нему и ко всѣмъ, находившимся въ церкви, съ такими словами: „вы знаете, что мы отъ начала приняли св. Евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отцевъ и царскіе законы изъ православной Греціи, и потому называемся христіанами; но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ.... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и Его Пречистою Матерію, ангелами и всѣми святыми, что вы будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и

меня, какъ вашего главнаго архинастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, въ такомъ случаѣ я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства". Тогда царь, и всѣ бояре, и весь освященный соборъ произнесли предъ св. Евангеліемъ и предъ св. чудотворными иконами обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. И Никонъ, призвавъ во свидѣтели Господа, Пресв. Богородицу, ангеловъ и святыхъ, изрекъ свое согласіе быть патріархомъ. Правда, все это объ избраніи Никона мы знаемъ только изъ его собственнаго разсказа. Но, излагая этотъ разсказъ, Никонъ говорилъ: „Господь Богъ свидѣтель есть, яко тако бысть", и смѣло повторялъ этотъ разсказъ предъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и предъ своими врагами, которые могли бы обличить его въ неправдѣ, а еще прежде смѣло указывалъ на это событіе даже въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ [2]).

Іюля 23-го происходило нареченіе новоизбраннаго патріарха по прежде составленному чину, а 25-го Никонъ посвященъ былъ въ санъ патріарха казанскимъ

---

[2]) Выходы государей, стр. 261; письмо Никона къ цареград. патріарху Діонисію, въ Записк. Отдѣленія русской и славянск. Археологіи, II, 511—513; Возраженія Никона Стрѣшневу и Паисію I и 26, тамъ же стр. 480—481; предисл. къ Служебнику 1655 г.—въ прибавленіи къ онис. старопечат. книгъ графа Толстова и Царск., № 89. Чинъ избранія, нареченія и посвященія патр. Никона сохранился, въ подлинникѣ, доселѣ (Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовныя, годъ 7160 (1652), іюль). Послѣ этого все, что сказано въ Житіи суздальскаго митрополита Иларіона, составленномъ не раньше начала XVIII вѣка, будто вмѣстѣ съ Никономъ избранія были на патріаршество еще два кандидата, іеромонахъ спасопреображенскаго монастыря на Юнгѣ Антоній и третій, неизвѣстный по имени, будто брошенъ былъ жребій, кому изъ нихъ быть патріархомъ, будто жребій палъ на Антонія, и Антоній только по старости и болѣзни отказался отъ такой чести и уступилъ ее Никону, все это не заслуживаетъ никакого вниманія. (Житіе Иларіона, митроп. суздальскаго, стр. 5, Казань 1868).

митрополитомъ Корниліемъ и другими архіереями въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи самаго государя. Въ тотъ же день царь давалъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для новаго патріарха и всѣхъ духовныхъ властей, причемъ находились и нѣкоторые знатнѣйшіе бояре. Въ обычное время Никонъ вставалъ изъ-за стола и ѣздилъ кругомъ Кремля на осляти,—а осля подъ патріархомъ водили бывшіе съ нимъ за столомъ бояре: князь Алексѣй Трубецкій, князь Ѳедоръ Куракинъ, князь Юрій Долгорукій, и окольничіе: князь Димитрій Долгорукій, да Прокопій Соковнинъ. Святители, участвовавшіе въ поставленіи патріарха Никона, дали ему настольную грамату, за своими подписями и печатями, и въ ней, между прочимъ, сказали: „съ великою нуждою умолиша его на превысочайшій святительскій престолъ“,—чѣмъ подтвердили его собственное о томъ сказанье [3]). Никону едва исполнилось тогда 47 лѣтъ отъ рожденія, и онъ вступилъ на патріаршій престолъ еще во всей крѣпости своихъ силъ.

Первое главное дѣло, или даже главнѣйшее изъ дѣлъ, патріаршествованія Никона—исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности началось еще во дни патріарха Іосифа, и тогда же обозначи-

---

[3]) Дворцов. Разряды, III, 322—323; Выходы государей стр. 261. О нареченіи и посвященіи патр. Никона изложено, со всею подробностію, въ вышеупомянутомъ чинѣ (см. примѣч. 2). Копія настольной граматы, данной патр. Никону—въ Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовн., годъ 7160 (1652) іюль. Въ этой граматѣ перечислены всѣ двѣнадцать мужей, первоначально избранные въ кандидаты на патріаршество, именно два митрополита: новгородскій Никонъ и казанскій Корнилій; три архіепископа: вологодскій Маркеллъ, рязанскій Мисаилъ и псковскій Макарій; шесть архимандритовъ монастырей: чудова Ѳерапонтъ, андроніева Сильвестръ, Саввы—сторожевскаго Гермогенъ, нижегородскаго печерскаго Стефанъ, ростовскаго богоявленскаго Іона, суздальскаго спасскаго Іосифъ, и одинъ игуменъ боровскаго пафнутіева монастыря Павелъ.

лись тѣ два начала или правила, которыми потомъ Никонъ постоянно руководствовался, занимаясь этимъ дѣломъ.

Богослужебныя книги правились у насъ при всѣхъ доселѣ бывшихъ патріархахъ, когда приготовляемы были къ печати. Но правились только по славянскимъ „добрымъ переводамъ“ или спискамъ (не упоминаемъ о несчастной попыткѣ преп. Діонисія и его сотрудниковъ). А какъ и добрые славянскіе списки, даже самые древніе, не чужды были погрѣшностей и не мало разнились между собою въ частностяхъ, то очень естественно, что и въ печатныхъ книгахъ, появившихся при первыхъ нашихъ патріархахъ, повторились всѣ эти погрѣшности и разности, доходящія иногда до противорѣчій. Подъ конецъ жизни патріарха Іосифа у насъ, наконецъ, ясно сознана была мысль, что исправлять церковныя книги по однимъ славянскимъ спискамъ недостаточно, а нужно вмѣстѣ исправлять и по греческому тексту. И вотъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ обратился въ Кіевъ съ просьбою—прислать въ Москву ученыхъ мужей, знавшихъ греческій языкъ, чтобы они исправили, по тексту семидесяти толковниковъ, славянскую библію, которую тогда намѣревались вновь напечатать. Ученые люди скоро прибыли въ Москву, и хотя нѣкоторые встрѣтили ихъ здѣсь непріязненно за самую ихъ ученость, хотя имъ не было поручено тотчасъ же приступить къ исправленію библіи, но они успѣли, еще при жизни патріарха Іосифа, исправить по греческому тексту одну, уже оканчивавшуюся печатаніемъ, книгу „Шестодневъ“, и напечатали свои исправленія въ концѣ книги, чтобы всю ее не перепечатывать. Это была первая напечатанная въ Москвѣ церковная книга, исправленная не по славянскимъ только спискамъ, но и по греческому тексту, и въ этомъ выразился первый прин-

ципъ, котораго потомъ держался Никонъ: править богослужебныя книги по „добрымъ“ славянскимъ спискамъ и вмѣстѣ по греческому тексту [4]).

Въ отправленіи богослуженія у насъ съ давняго времени допускалось крайнее безчиніе, происходившее отъ „многогласія“ и отъ „хомоваго“ пѣнія. Службы совершались разомъ многими голосами: одинъ читалъ, другой въ тоже время пѣлъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, а иногда читали разомъ двое или трое и совершенно различное. А при господствовавшемъ хомовомъ пѣніи слова растягивались до безмыслія, съ перемѣною въ нихъ ударенія, съ перемѣною полугласныхъ буквъ на гласныя, съ прибавленіемъ новыхъ гласныхъ. Противъ такого безчинія возставали еще стоглавый соборъ и патріархъ Гермогенъ, а теперь, при патріархѣ Іосифѣ, возстали нѣкоторые даже изъ свѣтскихъ людей, каковъ былъ Ѳедоръ Ртищевъ, и два самые авторитетные московскихъ протоіерея: казанскій—Нероновъ и благовѣщенскій—Вонифатьевъ, царскій духовникъ. Къ нимъ присоединились Новгородскій митрополитъ Никонъ и самъ царь. А патріархъ Іосифъ сначала колебался; но потомъ обратился съ просьбою къ цареградскому патріарху Парѳенію, чтобы онъ, вмѣстѣ съ другими греческими іерархами, рѣшилъ: „подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ соблюдать единогласіе?“ И когда изъ Царьграда полученъ былъ отвѣтъ, что чтеніе въ церквахъ должно совершаться единогласно и пѣвцамъ подобаетъ пѣть согласно, а не рыканіемъ неподобнымъ, тогда патріархъ Іосифъ, съ соборомъ своихъ русскихъ архіереевъ, въ присутствіи самаго государя и его синклита, постановилъ, чтобы по всѣмъ церквамъ пѣли чинно, безмятежно и единогласно и

---

[4]) Подробнѣе—см. нашей Истор. Р. Церкви, въ т. XI.

читали въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно. Въ этомъ выразился второй принципъ, котораго также постоянно держался Никонъ: во всѣхъ важныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ при исправленіи церковной обрядности просить совѣта и рѣшенія восточныхъ первосвятителей [5]).

Явились новыя обстоятельства, которыя нудили не только не прекращать, напротивъ, съ большею энергіею продолжать начатое дѣло исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. При благочестивомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще чаще, чѣмъ прежде, приходили въ Москву греческіе іерархи и другія духовныя лица для милостыни и иногда оставались у насъ довольно долго. Присматриваясь съ любопытствомъ къ нашей церковности, они не могли не замѣчать и дѣйствительно замѣчали въ нашей церкви нѣкоторыя разности отъ чиновъ и обрядовъ греческой церкви и нѣкоторыя новины или „новшества“, какимъ особенно казалось имъ употребленіе двуперстія для крестнаго знаменія: такъ какъ это новшество, несмотря на рѣшеніе Стоглаваго собора, доселѣ слабо проникавшее въ народъ. который издревле отъ предковъ привыкъ креститься тремя перстами, теперь именно, при патріархѣ Іосифѣ, будучи внесено въ нѣкоторыя учительныя и богослужебныя наши книги, наиболѣе стало распространяться и утверждаться и наиболѣе бросаться въ глаза приходившимъ къ намъ съ востока единовѣрцамъ. Въ числѣ другихъ пришельцевъ къ намъ находился и іерусалимскій патріархъ Паисій, принятый въ Москвѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Замѣтилъ и онъ наши новшества, и съ укоромъ указывалъ на нихъ царскому любимцу—Никону и другимъ. Встревоженные царь и патріархъ Іосифъ, прощаясь съ Паисіемъ, отпу-

---

[5]) Подробнѣе—тамъ же, въ т. XI.

стили съ нимъ на востокъ своего старца Арсенія Суханова, чтобы онъ изучилъ тамъ церковные чины и обряды и составилъ объ нихъ свѣдѣнія. Но Арсеній, двукратно возвращавшійся съ пути, по порученію Паисія, остановившагося въ Молдавіи, въ послѣдній разъ (8-го дек. 1650 г.) привезъ съ собою въ Москву статейный списокъ, въ которомъ подробно изложилъ свой жаркій споръ съ Греками о двуперстіи для крестнаго знаменія и о нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ предметахъ, которыми русскіе разнились тогда отъ Грековъ, и вмѣстѣ привезъ достовѣрное, имъ самимъ обслѣдованное извѣстіе, что на Аѳонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей, собравшись во едино, соборне признали двуперстіе ересью, сожгли московскія книги, въ которыхъ напечатано о немъ, какъ книги еретическія, и хотѣли сжечь самого старца, у котораго нашли тѣ книги. Все это еще болѣе должно было встревожить царя и церковныя власти въ Москвѣ и показать имъ, до чего могутъ довести тѣ обрядовыя разности, которыя находили у насъ греки и прямо называли новшествами. Вмѣстѣ съ Арсеніемъ прибылъ въ Москву, съ письмами отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, къ царю и къ патріарху Іосифу, назаретскій митрополитъ Гавріилъ, котораго очень полюбилъ Алексѣй Михайловичъ и всячески старался оставить на житье у себя въ Россіи: и этотъ митрополитъ также высказалъ свои укоризны на наши церковныя новшества [6]).

---

6) О патріархѣ Паисіѣ и Арсеніѣ Сухановѣ подробнѣе=тамъ же, въ т. XI. О назаретскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, прибывшемъ къ намъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ (8 дек. 1650 г.), но уѣхавшемъ изъ Москвы прежде его отъѣзда (24 февр. 1651 г.)—Москов. главн. архив. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла греческ., связк. 29 № 11; *Суханов.* Проскинатарій, стр. 12—13, изд. въ Казани. Объ укоризнахъ этого митрополита Никону—см. „Слово отвѣщательно“ въ Скрижали, изд. Никономъ, л. 1.

Что же оставалось дѣлать нашему церковному правительству? Патріархъ Іосифъ былъ уже дряхлъ и слабъ, и скоро скончался. Но Никонъ, столько могущественный и при патріархѣ Іосифѣ, а теперь сдѣлавшійся его преемникомъ, могъ ли Никонъ быть спокоенъ и не отозваться со всею ревностію на всѣ эти укоризны Грековъ? И онъ дѣйствительно отозвался. Тотчасъ по вступленіи на патріаршую каѳедру, Никонъ, какъ разсказывается въ предисловіи изданнаго имъ служебника, „упразднился отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранильницу, со многимъ трудомъ, многи дни въ разсмотрѣніи положи". Въ книгохранильницѣ онъ нашелъ подлинную уложенную грамату объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную патріархами—Іереміею цареградскимъ и Іовомъ московскимъ и многими другими святителями, русскими и греческими; нашелъ также подлинную грамату или книгу объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, подписанную и присланную въ 1593 г. всѣми восточными патріархами, со множествомъ греческихъ епископовъ. Въ послѣдней граматѣ онъ прочелъ, что московскій патріархъ есть братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, единоличенъ имъ и сопрестоленъ, а потому долженъ быть согласенъ съ ними во всемъ. Наиболѣе же остановили на себѣ въ этой граматѣ вниманіе Никона слѣдующія слова: „такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповреж-

деннымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія". Прочитавъ всю эту грамату, Никонъ впалъ въ великій страхъ, не допущено ли въ Россіи какого либо отступленія отъ православнаго грéческаго закона, и началъ, прежде всего, разсматривать сумволъ вѣры. Онъ прочелъ сумволъ вѣры, начертанный греческими буквами на саккосѣ, который, за 250 лѣтъ предъ тѣмъ, принесенъ былъ въ Москву митрополитомъ Фотіемъ, и сравнилъ съ этимъ сумволомъ славянскій, какъ онъ изложенъ былъ въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ, и убѣдился, что въ славянскомъ сумволѣ есть несогласія съ древнимъ греческимъ. Разсмотрѣлъ за тѣмъ, точно также, св. литургію, т. е. служебникъ, и нашелъ, что иное въ немъ прибавлено, другое отнято или превращено, а послѣ служебника узрѣлъ и въ другихъ книгахъ многія несходства [7]). Послѣ этого, проникнутый сознаніемъ своего долга быть во всемъ согласнымъ съ восточными патріархами и потреблять всякія новины, которыя могутъ вести къ несогласіямъ въ церкви, смутамъ и раздѣленію, и убѣдившись лично, что такія новины у насъ дѣйствительно есть въ печатныхъ церковныхъ книгахъ и въ самомъ даже сумволѣ вѣры, Никонъ рѣшился приступить къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ.

Первая попытка въ этомъ родѣ сдѣлана была Никономъ, спустя около семи мѣсяцевъ послѣ вступленія его на патріаршую каѳедру, и касалась только двухъ новшествъ. Но при первой же этой попыткѣ обнаружились и ярые противники Никона и начатаго имъ дѣла. Предъ наступленіемъ великаго поста въ

---

7) Это предисловіе къ служебнику, изд. Никономъ въ 1655 г., перепечатано вполнѣ Строевымъ въ дополн. къ опис. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, № 89.

1653 году Никонъ разослалъ по всѣмъ церквамъ московскимъ слѣдующую память: „по преданію св. апостолъ и св. отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились“. Въ такомъ сжатомъ видѣ передаетъ память протопопъ Аввакумъ, но относительно поклоновъ передаетъ не ясно и не точно, конечно, не безъ намѣренія. Никонъ,—въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи,—указывалъ вовсе не то, чтобы православные не клали вообще земныхъ поклоновъ въ церкви, а то лишь, чтобы въ св. Четыредесятницу, при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, не клали православные однихъ земныхъ многочисленныхъ (числомъ до 17-ти) поклоновъ, какъ дѣлалось у насъ тогда, но клали поклоны поясные, кромѣ только четырехъ земныхъ. Память эта прислана была и въ казанскій соборъ протопопу Ивану Неронову. Нероновъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ протопопа Аввакума, который проживалъ у него, и другихъ своихъ близкихъ. „Мы же,—разсказываетъ Аввакумъ,—задумалися, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ идти въ церковь (т. е. казанскій соборъ), а самъ единъ скрылся въ чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: „время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати“. Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; таже коломенскому епископу Павлу, потомъ Даніилу костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы же съ Даніиломъ, написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ, и подали государю: много писано было. „Онъ же, не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ,—мнится, Никону отдалъ“ [8]). Вотъ

8) Житіе Аввакума—въ Матер. для исторіи раскола, V, 18—19.

кто явились противниками Никона и какъ они начали борьбу съ нимъ! Чтожъ подвигло ихъ на эту роковую борьбу? Ужели одна привязанность къ тѣмъ двумъ обрядамъ или обычаямъ, которыя хотѣлъ измѣнить Никонъ? Мы уже упоминали, что протопопы, казанскій Нероновъ и благовѣщенскій Вонифатьевъ, были при патріархѣ Іосифѣ самые авторитетные люди въ московскомъ духовенствѣ, сильные предъ патріархомъ и царемъ, и что къ нимъ и подъ ихъ покровительство стекались и другіе, преимущественно иногородные протопопы, каковы были: Аввакумъ юрьевскій, Даніилъ костромскій, Логгинъ муромскій, составлявшіе вокругъ нихъ „братію“. Въ числѣ своихъ близкихъ и друзей временщики-протопопы считали и Никона, новаго царскаго любимца, пока онъ былъ архимандритомъ и даже новгородскимъ митрополитомъ. Но когда патріархъ Іосифъ скончался, эти мнимые друзья Никона, воспользовавшись его отсутствіемъ изъ Москвы, повели козни, чтобы недопустить его до патріаршества. Никонъ, по возвращеніи въ Москву, узналъ о козняхъ, и какъ только сдѣлался патріархомъ, то не сталъ, по выраженію протопопа Аввакума въ его автобіографіи, пускать къ себѣ бывшихъ друзей своихъ и въ крестовую. Такого униженія и оскорбленія не въ силахъ былъ перенести Нероновъ

Самъ Нероновъ въ письмѣ къ государеву духовнику Вонифатьеву свидѣтельствуетъ, что голосъ отъ образа Спасова былъ къ нему именно въ 1653 г. на первой недѣлѣ великаго поста. Но, замѣчательно, содержаніе этого голоса передаетъ уже не то, какое прежде передавалъ Аввакуму и прочей братіи. Голосъ будто бы былъ такой: „Іоанне, дерзай и не убойся до смерти; подобаетъ ти укрѣпити царя о имени Моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и юниты (т. е. уніаты)“. (Матеріал. для истор. раскола, 1,99—100). Невольно подумаешь, да точно ли былъ этотъ голосъ, когда самъ Нероновъ передаетъ его различно, не выдумка ли это? На подобныя будто бы откровенія свыше у насъ тогда любили ссылаться для той или другой цѣли, и, какъ увидимъ, не разъ ссылался даже самъ Никонъ, и простодушные люди вѣрили.

съ своими приближенными, и они ждали только случая отомстить Никону. Случай, какъ имъ казалось, представился. Никонъ разослалъ „Память“ духовенству: они написали на нее опроверженіе изъ книгъ, выставляя ее, конечно, еретическою, и подали свою рукопись государю, разсчитывая уязвить Никона и повредить ему. Но ошиблись въ разсчетѣ: Никонъ остался въ полной силѣ, а только еще болѣе раздражился противъ бывшихъ своихъ друзей. И началась борьба преимущественно изъ личныхъ побужденій, которая потому, какъ скоро увидимъ, въ самомъ уже началѣ своемъ приняла съ обѣихъ сторонъ самый рѣзкій характеръ. Но достойно замѣчанія, что Никонъ въ этотъ разъ какъ бы не обратилъ вниманія на поступокъ своихъ враговъ, не потребовалъ ихъ на судъ за оказанное сопротивленіе архипастырскому распоряженію и вовсе ихъ не преслѣдовалъ.

Между тѣмъ 16 апрѣля (1653 г.) прибылъ въ Москву еще одинъ изъ высшихъ святителей востока, бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій, съ довольно многочисленною свитою. Онъ три раза восходилъ на патріаршій престолъ; но оставался на немъ: въ первый разъ (1633 г.) только сорокъ дней, во второй (1634—1635) около года и въ третій разъ (1651) только пятнадцать дней. Въ послѣднее время Аѳанасій проживалъ въ волошской землѣ, въ городѣ Галацѣ, гдѣ имѣлъ въ своемъ управленіи монастырь Святителя Николая, откуда и прибылъ къ намъ. Государь принялъ, 22 апрѣля, патріарха Аѳанасія со всею его свитою уже не съ такою торжественностію, какъ прежде принималъ іерусалимскаго патріарха Паисія: то былъ дѣйствительный патріархъ, а этотъ патріархъ безъ каѳедры. Принялъ—не въ царскомъ одѣяніи, не въ золотой палатѣ, не на престолѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ и въ столовой избѣ. Аѳа-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

насій билъ челомъ царю, поднесъ ему свои подарки: образъ Спасовъ въ кіотѣ, рѣзной деревянный крестъ, мощи евангелиста Матѳея, св. мvро, и сказалъ рѣчь. Царь позвалъ Аѳанасія къ своей рукѣ, спросилъ его о спасеніи и пригласилъ сѣсть, а дьякъ тутъ же объявилъ Аѳанасію царское жалованье, которое составляли: серебряный кубокъ съ золоченою крышкою, камка, два атласа гладкихъ, два сорока соболей и деньгами сто рублей. Отпустивъ Аѳанасія, царь послалъ ему на кирилловское подворье, черезъ своего стольника, яства и питіе. Въ іюнѣ, съ дозволенія государя, Аѳанасій, со всею своею свитою, ходилъ въ Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ встрѣтили его съ такими же почестями и дарами, съ какими прежде встрѣчали патріарха Паисія. По возвращеніи изъ Лавры, во время крестнаго хода въ срѣтенскій монастырь (23 іюня), Аѳанасій просилъ лично государя, указывая на свои обветшавшія святительскія одежды, пожаловать ему новыя, и государь приказалъ выдать ему, по прежнимъ примѣрамъ, на омофоръ, саккосъ и митру, двѣсти рублей. Въ августѣ Аѳанасій служилъ, по желанію государя, въ новоспасскомъ монастырѣ, и за то получилъ отъ государя сребропозлащенный кубокъ въ сорокъ двѣ гривенки, сорокъ соболей въ пятьдесятъ рублей и восемнадцать рублей деньгами. Въ октябрѣ Аѳанасій подалъ челобитную, чтобы государь пожаловалъ ему грамату, по которой иноки его галацкаго николаевскаго монастыря могли бы приходить въ Москву за милостынею ежегодно, пока онъ, Аѳанасій, будетъ живъ, а по смерти его черезъ два года на третій. И въ той же челобитной писалъ еще: „да вели, государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ граматъ, потому что, какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время

приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе черкасы и, по обычаю своему, просили у меня разрѣшительныхъ граматъ, и мнѣ некого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ. А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ запорожскіе казаки опять начнутъ у меня разрѣшительныхъ граматъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходить будутъ. Царь государь, смилуйся пожалуй“ [9]). Челобитная эта была уважена. Въ октябрѣ, 29 числа, патріархъ Аѳанасій совершалъ литургію на государевомъ дворѣ у Спаса— нерукотвореннаго образа, въ присутствіи самаго царя и всего царскаго семейства,—причемъ на обоихъ клиросахъ пѣли Греки. И удостоился получить отъ царя, царицы и царевенъ жалованье—1.200 рублей соболями. Въ ноябрѣ, 19 числа, выпросилъ у государя себѣ на панагію и для своего монастыря на иконы 50 рублей, также церковныя облаченія и сосуды. На-

---

[9]) Надобно замѣтить, что и другіе патріархи, приходившіе къ намъ съ востока прежде и послѣ Аѳанасія, а по примѣру ихъ иногда и митрополиты греческіе, точно также раздавали отъ себя разрѣшительныя граматы, въ Малороссіи и Россіи, людямъ всѣхъ званій, даже лицамъ царскаго семейства, и православные русскіе съ вѣрою и благодарностію принимали или пріобрѣтали себѣ такія граматы. Но нѣкоторые изъ сторонніхъ этимъ соблазнялись. На примѣръ, извѣстный сербскій попъ Юрій Крыжаничъ писалъ: „я видѣлъ напечатанныя въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ разрѣшительныя граматы, которыя продавалъ на Руси византійскій патріархъ Аѳанасій. Какимъ образомъ и по какой цѣнѣ онъ продавалъ ихъ, я не знаю. То лишь знаю, что такія отпустительныя граматы нѣкоторые продавали знатнымъ людямъ за деньги; здѣсь разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А бѣдные люди берегутъ эти граматы какъ великое сокровище, и завѣщаваютъ класть съ собою во гробъ..... Я видѣлъ одного митрополита, который, бывало, повсюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его, не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе, и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самаго и все его семейство; потомъ кладетъ руки и книгу на голову хозяина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой предъ тѣмъ исповѣди.... (Сочин. Крыжанича, изд. *Безсоновымъ* при „Русской Бесѣдѣ,“ стр. 192, М. 1859).

конецъ, 13-го декабря, былъ патріархъ Аѳанасій со всею своею свитою на прощальномъ отпускѣ у государя, и государь пожаловалъ ему тогда 2.000 рублей соболями. Собираясь въ путь, Аѳанасій подалъ ему одну грамату—челобитную, въ которой и благодарилъ царя за его милости, и выражалъ предъ нимъ новыя свои нужды, и, между прочимъ, писалъ: „твоя царская премногая милость, какъ солнце, сіяетъ во всю вселенную; ты, государь, нынѣ на землѣ царь учинился всѣмъ православнымъ христіанамъ, а великій господинъ, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Руси, по благодати Божіей, глава церкви и исправленіе сущія православныя христіанскія вѣры, и приводитъ словесныхъ овецъ Христовыхъ во едино стадо... Только тебя, великаго государя, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, и помощника въ бѣдахъ, и прибѣжище намъ, и освобожденіе. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону—освящать соборную апостольскую церковь Софіи—премудрости Божіей (разумѣется, въ Константинополѣ)“... Въ послѣднихъ числахъ декабря Аѳанасій выѣхалъ изъ Москвы [10]). А въ февралѣ слѣдующаго 1654 г. извѣщалъ царя Алексѣя Михайловича изъ Чигирина, что Гетманъ Богданъ Хмельницкій устроилъ его, Аѳанасія, на время въ одномъ изъ монастырей, именно лубенскомъ: здѣсь, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, 5 апрѣля, Аѳанасій и скончался [11]). Но для насъ важно посѣщеніе патріархомъ Аѳанасіемъ Москвы въ томъ преимущественно отно-

---

[10]) О пріѣздѣ въ Москву бывшаго цареградскаго патр. Аѳанасія—въ москов. главн. архивѣ Министер. иностр. дѣлъ, Греч. Дѣла, Связк. 29, № 8, послѣдняя половина, и связк. 31, № 27. Снес. Выходы Госуд. стр. 302.

[11]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 6, ст. XIII, стр. 331; *Архид. Павла алеппскаго*, Путешествіе антіох. патр. Макарія въ Россію, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1876, 1, отд IV, 61—63.

шеніи, что и онъ, подобно другимъ восточнымъ первосвятителямъ, приходившимъ къ намъ прежде, „зазиралъ“ патріарху Никону „въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ“, и тѣмъ вновь возбуждалъ его ревность къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Кромѣ того, Аѳанасій, во время своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ для Никона сочиненіе, подъ названіемъ: „Чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ,“ чтобы Никонъ ясно могъ видѣть, какія отступленія отъ того чина допущены въ Россіи [12]).

Еще въ то время, когда патріархъ Аѳанасій находился въ Москвѣ, произошло первое открытое столкновеніе у Никона съ его противниками и, прежде всего, съ протопопомъ Нероновымъ. Столкновеніе это описалъ самъ Нероновъ довольно подробно въ своей „росписи,“ которую и послалъ царю Алексѣю Михайловичу, и нѣсколько короче въ своей челобитной, которую подалъ впослѣдствіи патріархамъ. Въ іюлѣ 1653 года Никонъ созвалъ въ своей крестовой соборъ, на который приглашенъ былъ и протопопъ Нероновъ, и слушалъ на соборѣ отписку муромскаго воеводы на протопопа муромскаго Логгина, будто онъ похулилъ образъ Спасителя и образа пресв. Богородицы и всѣхъ святыхъ. Логгинъ, находившійся тутъ же, противъ отписки далъ объясненіе: „я не только словомъ, но и мыслію не хулилъ св. образовъ, ко-

---

[12]) „Слово отвѣщательно“ патр. Никона въ его Скрижали, л. I. Подлинная рукопись патр. Аѳанасія, на греческомъ языкѣ, хранится въ москов. Синод. библіотекѣ, № 245. Тогда же сочиненіе это, по приказанію Никона, переведено было на славянскій языкъ, подъ заглавіемъ: „Толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви Аѳанасій, прежній вселенскій патріархъ, на Москвѣ сице сподобившійся (священнодѣйствовать?) въ 1653 лѣтѣ, мѣсяца іюлія, индикта 6“. Рукопись этого перевода хранится въ той же Синод. библіотекѣ, № 698.

торымъ покланяюсь со страхомъ, а сказалъ только женѣ воеводы муромскаго, у него въ дому, когда она подошла ко мнѣ на благословеніе: не бѣлена ли ты? Слово мое подхватили гости и самъ воевода, и заговорили: ты, протопопъ, хулишь бѣлила, а безъ бѣлилъ не пишутся и образа. Я отвѣчалъ: какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы; а если на ваши рожи такіе составы положить, то вы не захотите. Самъ Спасъ и пресв. Богородица и всѣ святые честнѣе своихъ образовъ.“ Никонъ, выслушавъ Логгина и „не испытавъ истины, по отпискѣ того воеводы, осудилъ Логгина въ мученіе злому приставу, мстя себѣ прежде бывшее обличеніе отъ того Логгина протопопа въ его Никоновѣ небрежнѣмъ и высокоумномъ и гордомъ житіи“ (значитъ, не Никонъ первый началъ вражду, а его перваго оскорбилъ муромскій протопопъ, позволивши себѣ рѣзко укорять своего патріарха въ небрежности и гордости). Нероновъ не вытерпѣлъ и сказалъ Никону: „за что отдавать Логгина жестокому приставу? Нужно прежде произвести розыскъ... Тутъ дѣло великое, Божіе и царево, и самому царю, по истинѣ, слѣдуетъ быть на семъ соборѣ.“ На это Никонъ будто бы отвѣчалъ: „мнѣ-де и царская помощь не годна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю.“ А Нероновъ завопилъ: „патріархъ Никонъ! взбѣсился ты, что такія хульныя слова говоришь на государское величество...; всѣ св. соборы и благочестивыя власти требовали благочестивыхъ царей и князей въ помощь себѣ и православной вѣрѣ.“ И въ тотъ же день Нероновъ съ ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ, ссылаясь и на ростовскаго митрополита Іону, будто бы слышавшаго тѣ недостойныя слова Никона о царѣ, донесли о нихъ государеву духовнику Стефану и самому государю. Никонъ чрезъ нѣсколько дней вновь

созвалъ духовныхъ властей на соборъ и жаловался имъ на Неронова, какъ на своего клеветника предъ государемъ, и утверждалъ, что такихъ словъ про государя не говорилъ. Ростовскій митрополитъ Іона сперва молвилъ: „было-де такъ, какъ Іоаннъ протопопъ говоритъ," да тотчасъ же заперся и произнесъ: „патріархъ Никонъ такихъ словъ не говаривалъ." Тогда разсерженный Нероновъ началъ изрыгать на Никона, въ присутствіи всего собора, цѣлый потокъ укоризнъ, едва давая Никону сказать нѣсколько словъ. *Никонъ:* „я сужу только по Евангелію." *Нероновъ:* „въ Евангеліи сказано: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ*; а ты и тѣхъ, кто добра тебѣ хочетъ, ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, тѣхъ ты любишь, и жалуешь, и слушаешь. Кто тебѣ огласитъ кого, хоть за пятьсотъ или за тысячу верстъ, ты вѣришь; а про богомольцевъ говоришь, послушавъ клеветы: вотъ что они дѣлаютъ, нечестивцы, а протопопы Стефанъ (Вонифатьевъ) и Іоаннъ (Нероновъ) имъ, ворамъ, потакаютъ..." *Никонъ:* „я сужу по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ." *Нероновъ:* „въ правилахъ написано не вѣрить клеветникамъ, провѣрять ихъ истинными свидѣтелями, уличенныхъ же клеветниковъ наказывать безъ пощады; а тебѣ клеветники явно клевещутъ на добрыхъ людей, и ты имъ вѣришь." Тутъ прервалъ было Неронова протодіаконъ патріарха Григорій своими укоризнами противъ жены его и сына; но Нероновъ съ новою дерзостію продолжалъ къ Никону: „доселѣ ты называлъ протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтниками его, врагами Божіими и разорителями закона Господня; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и его любимыми совѣтниками, и на домъ ты къ протопопу

Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ. Которые боголюбцы присылаемы были государемъ къ патріарху Іосифу, чтобы онъ, по его государеву совѣту, поставилъ однихъ въ митрополиты, архіепископы и епископы, другихъ въ архимандриты, игумены и протопопы,—и ты съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ бывалъ тогда въ совѣтѣ и никогда не прикословилъ, и при поставленіи ихъ не говорилъ: недостоинъ. Тогда всѣ у тебя были непорочны, а нынѣ у тебя тѣже люди стали недостойны. И протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь. Доселѣ ты другъ нашъ былъ,— на насъ возсталъ. Нѣкоторыхъ ты разорилъ и на ихъ мѣста поставилъ иныхъ, и отъ нихъ ничего добраго не слыхать. Другихъ ты обвинилъ за то, что они людей мучатъ, а самъ безпрестанно мучишь: старца соловецкаго и въ воскресный день велѣлъ бить немилостиво. Властямъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь [13]). Вотъ ты укоряешь новоуложенную книгу (т. е. Уложеніе), посохомъ ее попираешь и называешь не доброю; а ты и руку къ ней приложилъ, когда ее составляли: въ тѣ поры называлъ ее доброю. Приложилъ руку изъ земнаго страха, нынѣ же на соборѣ дерзаешь противъ той книги, потому что государь далъ тебѣ волю. А любящіе Бога не боялись нищеты, скорби и смерти, за истину страда-

---

[13]) Такимъ образомъ Нероновъ самъ свидѣтельствуетъ, что жестокія наказанія, за которыя онъ столько укорялъ, теперь и послѣ, патріарха Никона, были тогда въ обычаѣ и вообще у властей духовныхъ (какъ и свѣтскихъ), а не у одного Никона: таковъ былъ духъ времени. Впослѣдствіи Нероновъ жаловался, что Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, гналъ и мучилъ его, Неронова, еще „паче Никона“ (Матеріал. для истор. раскола, 1, 239).

ли и стояли крѣпко, какъ нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды, и разоренія. *Никонъ*: „на тебя мнѣ подали челобитную за руками священники и діаконы и всѣ причетники твоего собора.“ *Неронову*: „вели прочитать на соборѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Воистину, патріархъ, лжешь; развѣ тебѣ извѣщалъ на меня вдовый попъ Лаврентій, котораго прежде ты послалъ подъ начало въ іосифовъ монастырь, а нынѣ освободилъ, чтобъ на меня ложь составилъ“. Тутъ опять не выдержалъ протодіаконъ и началъ кричать въ крестовой съ своими совѣтниками: „ты де великаго святителя кощунникомъ, и празднословцемъ, и мучителемъ, и лжесоставникомъ называешь.“ *Неронову*: „попустилъ самъ патріархъ всякія нелѣпыя слова говорить предъ собою на истинныхъ рабовъ Божіихъ, и я не знаю, чѣмъ назвать сей соборъ вашъ... Что вы, Григорій, кричите и вопите? Я не во св. Троицу погрѣшилъ, и не похулилъ Отца и Сына и Св. Духа, но похуляю вашъ соборъ...“ [14]).

Что же показываетъ это первое публичное столкновеніе протопопа Неронова съ патріархомъ Никономъ, которое мы изложили со словъ самого же Неронова? Нероновъ сначала заступился за одного изъ своихъ сторонниковъ, муромскаго протопопа Логгина, еще прежде дерзко укорявшаго Никона въ гордости, и упрекнулъ Никона въ жестокости. Потомъ донесъ царю на Никона, будто бы сказавшаго о царѣ неприличныя слова. А потомъ рѣзко укорялъ Никона, что онъ вѣритъ однимъ только клеветникамъ безъ всякаго разслѣдованія; что прежде былъ онъ другомъ Вонифатьева и его друзей, совѣтовался съ ними о всемъ, а теперь сдѣлался врагомъ Вонифатьева, вездѣ поноситъ его, а друзей его, про-

---

[14]) Матеріал. для истор раскола, 1,41—51.234—237.

тополовъ и поповъ, разоряетъ, мучитъ, на ихъ мѣста ставитъ другихъ, избралъ себѣ новыхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде называлъ врагами Божіими; что прежде изъ страха подписалъ Уложеніе, а теперь порицаетъ его; что, наконецъ, лжетъ на него— Неронова и самъ настроилъ на него клеветника. И среди всѣхъ этихъ укоризнъ Никону нѣтъ ни слова противъ исправленія имъ церковныхъ обрядовъ, которое уже начиналось тогда; не видно и тѣни какой либо привязанности къ старымъ обрядамъ, на которые будто бы посягнулъ Никонъ. Во всемъ видна одна лишь личная вражда, ненависть, озлобленіе Неронова и его друзей противъ Никона за то, что онъ измѣнилъ имъ, лишилъ ихъ прежней власти, сталъ ихъ врагомъ, преслѣдуетъ ихъ. Этою-то ненавистію болѣе всего руководились они и впослѣдствіи, когда начали ратовать будто бы за старые обряды.

Озлобленіе Неронова не имѣло границъ, и онъ совершенно забылся, когда позволилъ себѣ на соборѣ и такъ дерзко порицать въ глаза и позорить своего патріарха, а наконецъ похулилъ и весь соборъ. Неудивительно, если св. соборъ, на основаніи 55 правила св. апостоловъ, которое гласитъ: „аще кто изъ клира досадитъ епископу, да будетъ изверженъ“, опредѣлилъ послать протопопа Неронова на смиреніе въ монастырь. Или, какъ подробнѣе объ этомъ разсказываетъ онъ самъ: „и за тѣ мои слова сосланъ я былъ въ спасскій монастырь на Новое подъ начало, и того же дня переведенъ изъ спасскаго монастыря въ симоновъ и отданъ подъ крѣпкое начало: мнѣ не велѣно было ходить въ церковь, а ночью сторожа меня со свѣчами держали и семь дней никого изъ людей не пущали ко мнѣ, ни домашнихъ, ни стороннихъ. Въ осмой день привезли меня въ городъ на царе-борисовскій дворъ, и тутъ били неми-

лостивно; а когда везли меня изъ монастыря, то быстро скакали на телегѣ, хотѣли тряскою меня уморить. И привезли меня въ соборную церковь, и патріархъ Никонъ велѣлъ крутицкому митрополиту Сильвестру снять съ меня скуѳью. И какъ сняли скуѳью, опять послалъ меня патріархъ въ симоновъ монастырь, и на шею наложили мнѣ большую цѣпь. Въ 4-й день августа послалъ меня въ вологодскій уѣздъ на Кубенское озеро, въ каменской монастырь, подъ крѣпкое начало; а въ граматѣ о мнѣ ко властямъ было писано: за великое безчиніе велѣно въ черныхъ службахъ ходить“ [15]).

Лишь только Нероновъ подвергся опалѣ, друзья его, составлявшіе вокругъ него „братію“, не дремали. Они положили ходатайствовать за него предъ государемъ. Протопопы Аввакумъ и Даніилъ костромскій написали о томъ челобитную и отнесли къ государеву духовнику Стефану. Но осторожный Стефанъ началъ уже отдѣляться отъ своихъ задорныхъ друзей, затѣявшихъ неравную борьбу съ могущественнымъ патріархомъ, и, по выраженію Аввакума, „всяко ослабѣлъ“, и челобитной „государю не снесъ“. Братія, впрочемъ, нашли другой путь къ государю и свою челобитную ему подали, а государь передалъ ее патріарху. Между тѣмъ Аввакумъ отправился провожать Неронова на каменный островъ. И когда воротился, пошелъ 13-го августа ко всенощной въ казанскій соборъ, намѣреваясь, какъ бывало прежде, читать въ положенное время, вмѣсто протопопа Неронова, поученіе къ народу изъ толковаго евангелія. Но казанскіе священники не дали ему читать и ска-

---

[15]) Матеріал. для истор. раскола, 1, 50 — 51. А что Нероновъ осужденъ былъ не однимъ Никономъ, но всѣмъ соборомъ, на основаніи апостольскаго правила,—о чемъ намѣренно умолчалъ въ своемъ разсказѣ Нероновъ,—см. тамъ же 1,128—129.

зали: ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не намъ, и патріаршій архидіаконъ велѣлъ намъ самимъ читать поученія къ народу. Аввакумъ очень огорчился и не сталъ ходить въ казанскую церковь, а „завелъ свое всенощное“ въ сушилѣ, находившемся на дворѣ протопопа Неронова; переманилъ къ себѣ нѣсколько прихожанъ казанской церкви, а чрезъ нихъ позывалъ и другихъ отъ церкви въ сушило, говоря: „въ нѣкоторое время и конюшня-де иные церкви лучше“. Священники казанскіе этого не стерпѣли и донесли о всемъ патріарху Никону. Поступокъ Аввакума былъ очень важенъ и противенъ канонамъ церкви: онъ самовольно устроилъ особую молельню, самовольно отдѣлялся самъ и отдѣлялъ другихъ отъ церкви въ самочинное сборище. По приказу патріарха, немедленно посланъ былъ Борисъ Нелединскій со стрѣльцами. Они окружили Аввакумову молельню, когда всенощная въ ней еще не кончилась, схватили самого Аввакума и богомольцевъ, числомъ тридцать три, да тутъ же взяли и челобитчиковъ, т. е. писавшихъ и подписавшихъ челобитную о Нероновѣ, такъ что всѣхъ взятыхъ было до сорока человѣкъ и больше. Аввакумъ отведенъ былъ на патріаршій дворъ, и на другой день въ оковахъ отвезенъ на телѣгѣ въ андроньевъ монастырь. А „братью“, т. е. взятыхъ богомольцевъ и челобитчиковъ, отослали въ тюрьму и держали въ ней цѣлую недѣлю. Въ слѣдующее воскресенье патріархъ велѣлъ привести всѣхъ ихъ въ церковь, и во время литургіи прочиталъ имъ изъ правилъ церковныхъ, которыя они нарушили своимъ самочиннымъ сборищемъ, и всѣхъ предалъ анаѳемѣ и отлучилъ отъ церкви. А тремъ протопопамъ, болѣе другихъ виновнымъ, какъ въ этомъ самочиніи, такъ и въ составленіи челобитной царю за Неронова, противъ патріарха, да и по самому ихъ духовному сану, было

особое наказаніе. Прежде всего, Никонъ „остригъ голову“ въ соборной церкви, въ присутствіи самаго царя, костромскому протопопу Даніилу и, снявъ съ него однорядку, отослалъ въ чудовъ монастырь на работу въ хлѣбной, а чрезъ нѣсколько времени сослалъ въ Астрахань. Потомъ точно также остригъ въ соборной церкви и при царѣ, во время большаго выхода за обѣднею, муромскаго протопопа Логгина, снялъ съ него однорядку и кафтанъ и, въ цѣпяхъ, отослалъ въ богоявленскій монастырь, а потомъ отправилъ въ Муромъ, велѣвъ ему жить въ деревнѣ у отца подъ началомъ. Дошла очередь и до Аввакума. Чрезъ десять дней, послѣ заключенія его въ андроніевой обители, онъ приведенъ былъ пѣшкомъ въ патріаршій приказъ и оставался здѣсь цѣлый день предъ судьями на распросѣ про челобитную, а потомъ снова отпущенъ въ тотъ же монастырь. Тамъ просидѣлъ онъ всего четыре недѣли. Въ Никитинъ день (15-го сентября), когда происходилъ въ Москвѣ крестный ходъ, привезли Аввакума къ успенскому собору. Самъ патріархъ совершалъ литургію; Аввакума держали у порога храма; всѣ ждали времени, какъ начнетъ патріархъ „стричь“ протопопа. Но когда оно настало, внезапно государь сошелъ съ своего мѣста, приблизился къ патріарху и упросилъ его не стричь Аввакума. Патріархъ уступилъ: Аввакуму, болѣе другихъ виновному, сдѣлано было снисхожденіе, онъ остался протопопомъ. Его передали только въ Сибирскій Приказъ и потомъ сослали, съ женою и дѣтьми, въ Тобольскъ, гдѣ мѣстный архіепископъ далъ ему и священническое мѣсто [16]). Если протопопъ

---

[16]) Письмо протопопа Аввакума къ Неронову—въ Матер. для исторіи раскола, 1,20—26; письмо священника казанскаго собора къ Неронову—тамъ же, 1,26—34; Житіе Аввакума—тамъ же, V,22.

Нероновъ подвергся церковному наказанію вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за величайшее оскорбленіе патріарха предъ лицемъ цѣлаго собора, то и три другіе протопопа, Даніилъ, Логгинъ и Аввакумъ, пострадали точно также вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за то, что вздумали защищать предъ царемъ, въ укоръ патріарху, своего до крайности виновнаго патрона, а еще болѣе за то, что дерзнули устроять самочинное сборище. Неизвѣстно въ подробностяхъ, какъ происходилъ судъ надъ этими тремя протопопами и надъ тѣми богомольцами, которые взяты были въ молельнѣ Аввакума; но они судились несомнѣнно по правиламъ церкви (смотр. правила св. апостоловъ 31. 55 и св. Василія Вел. 1 и друг.), и если виновнымъ предложено было троекратное увѣщаніе, а они не раскаялись, то осуждены совершенно справедливо, хотя, безъ сомнѣнія, при наказаніи ихъ, можно было бы обходиться съ ними не съ такою жестокостію и не предавать ихъ такому позору [17]).

Протопопа Неронова извѣстили въ его заточеніи, какая судьба постигла его ближайшихъ друзей—протопоповъ. И онъ написалъ къ государю (отъ 6-го ноября 1653 г.) ходатайственное письмо объ этихъ „заточенныхъ, и поруганныхъ, и изгнанныхъ“, утверждая, вопреки правдѣ, что они осуждены мір-

---

[17]) Надобно однакожъ сознаться, что сами эти протопопы своими крайне дерзкими выходками противъ Никона невольно вызывали его на крутыя мѣры. Мы уже видѣли, какъ грубо поносилъ своего патріарха протопопъ Нероновъ предъ цѣлымъ соборомъ, и упоминали, что протопопъ Логгинъ въ лицо укорялъ патріарха за его будто-бы „небрежное и высокоумное и гордое житіе“. Теперь прибавимъ, что тотъ же Логгинъ, когда его разстригли въ соборной церкви и сняли съ него однорядку и кафтанъ, во время большаго выхода, „Никона порицая, чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ, и схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ“.....(*Аввакум*: Автобіогр.—въ Матер. для исторіи раскола V.21).

скимъ судомъ, а не по правиламъ церкви, что много лѣтъ служили эти страдальцы и прежде, и порока въ нихъ никакого не замѣчалось, да и самъ Никонъ не дѣлалъ тогда на нихъ никакого извѣта; а нынѣ они оболганы, и Никонъ повѣрилъ клеветѣ на нихъ. Затѣмъ Нероновъ увѣрялъ, что не собственныя скорби и страданія понудили его вопить къ государю, но страхъ, какъ бы благочестіе не было въ поруганіи, и гнѣвъ Божій не излился на Россію, и умолялъ царя утишить бурю, смущающую церковь, прекратить брань, погубляющую сыновъ церкви. Царь самъ не отвѣчалъ Неронову; но духовникъ его Стефанъ, конечно, по его порученію, два раза писалъ къ бывшему своему другу, казанскому протопопу, и убѣждалъ его смириться, быть въ послушаніи патріарху, примириться съ нимъ, и извѣщалъ, что Никонъ патріархъ оправдываетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него, ожидаетъ отъ него и друзей его истиннаго покаянія и готовъ простить ихъ. Но неукротимый Нероновъ съ укорами отвѣчалъ (отъ 27 февраля 1654 г.) Вонифатьеву: зачѣмъ ты оскорбилъ меня?.. Я не могу принять твоего совѣта; мы ни въ чемъ не согрѣшили предъ отцомъ твоимъ Никономъ патріархомъ..., твой же отецъ Никонъ патріархъ напрасно оправдывается: онъ смиряетъ насъ неправильно, не по писанію, но страсть свою исполняетъ, и мучитъ насъ за правду... Онъ ждетъ, чтобы мы попросили у него прощенія: пусть и самъ онъ попроситъ у насъ прощенія и покается предъ Богомъ, что оскорбилъ меня туне... и проч. Отъ того же 27-го февраля Нероновъ отправилъ обширное посланіе и къ царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, прежде всего, умолялъ о тѣхъ же „заточенныхъ, поруганныхъ, изгнанныхъ безъ всякія правды“ друзьяхъ своихъ, осужденныхъ будто бы мірскимъ су-

домъ, а не по правиламъ церкви, и напоминалъ царю о временахъ антихриста, когда Христовы рабы гонимы будутъ, носящіе на себѣ знаменіе небеснаго царя. Потомъ указывалъ на извѣстную „Память“ или указъ Никона, содержавшій два его распоряженія: относительно поклоновъ во св. четыредесятницу и относительно троеперстія для крестнаго знаменія. Первое распоряженіе называлъ прямо „ересью непоклонническою“, и совершенно несправедливо: потому что такъ-называемая ересь неколѣнопоклонниковъ состояла въ томъ, чтобы на молитвѣ никогда не класть земныхъ поклоновъ и молиться всегда стоя; а Никонъ вовсе не запрещалъ употребленія земныхъ поклоновъ ни въ церковныхъ, ни въ домашнихъ молитвахъ; онъ предписывалъ только, чтобы во св. четыредесятницу, при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина, не клались одни земные поклоны (числомъ 17), а клались лишь четыре земныхъ, прочіе же всѣ поясные [18]). Противъ втораго распоряженія Никона защищалъ двуперстіе для крестнаго знаменія, и ссылался на Мелетія антіохійскаго, Ѳеодорита, Максима грека: каковы эти доказательства, мы уже видѣли прежде [19]). Далѣе увѣрялъ, что ничѣмъ не согрѣшилъ „предъ мнимымъ владыкою“, (т. е. Никономъ) и что говорилъ къ нему одну истину, вступившись за честь царскаго величества, имъ поругаемую и ни во что поставляемую, да и за своихъ страждущихъ братьевъ, и молилъ царя созвать со-

---

[18]) У Никона черногорца приведено изъ „Дамаскинова изложенія, еже о ересѣхъ“ слѣдующее опредѣленіе (91-й) ереси неколѣнопоклонниковъ: „сіи *на всяко время* молитвъ своихъ колѣну не хотятъ поклонити, но стояще *присно* молитвы своя творятъ“. Самое имя ереси по отношенію къ неколѣнопоклонникамъ употреблено, очевидно, не въ точномъ смыслѣ: потому что собственно ереси тутъ вовсе нѣтъ.

[19]) См. нашей Исторіи Русск. Церкв. VIII, 116—129.

боръ, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и другія духовныя лица и добродѣтельные міряне всякаго чина. Подъ конецъ посланія выражался: „отъ патріарха, государь, разрѣшенія не ищу, потому что онъ осудилъ меня не по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ (совершенная неправда!), но своея ради страсти; я сказалъ ему правду, а онъ за то возненавидѣлъ меня, и не меня только, но всю братію — рабовъ Христовыхъ". Прочитавъ это посланіе, царь далъ приказъ, чтобы Нероновъ впредь къ нему не писалъ. И Вонифатьевъ, передавая этотъ приказъ Неронову, извѣщалъ его вмѣстѣ, что царь удивляется его упрямству, и ни царь, ни царица, не одобряютъ его; что „царь-государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу", и за патріархомъ ничего худова не видалъ; что относительно поклоновъ царь согласуется съ государемъ патріархомъ и со властьми, а крестное знаменіе будетъ, какъ было издревле. Но Нероновъ и теперь остался непреклоненъ, и отъ 2 мая отвѣчалъ Вонифатьеву: пусть вы не блазнитесь о патріархѣ,—все онъ доброе творитъ; но я соблазнился и братія, потому что онъ принялъ на себя мучительскій санъ, и братію мучительски мучитъ, однихъ остригъ, другихъ проклялъ... Не вмѣняй въ упрямство, что я не прошу у патріарха прощенія: я не признаю себя согрѣшившимъ предъ нимъ... Если патріархъ ищетъ отъ насъ послушанія, то послушай и онъ Христа Спаса, повелѣвающаго не воздавать зломъ за зло и ударившему въ ланиту подставлять и другую .. и проч. [20]).

Но намъ пора разстаться, на время, съ Нероновымъ и его друзьями и обратиться къ дѣлу, на кото-

---

[20]) Всѣ означенныя письма — въ Матеріал. для исторіи раскола, 1,34—41.51—94.

рое обращено было тогда все вниманіе патріарха Никона. Распоряженіе, сдѣланное имъ лично отъ себя предъ наступленіемъ великаго поста въ 1653 г. и направленное только противъ двухъ обрядовыхъ новшествъ, послужило для него какъ бы пробнымъ камнемъ, чтобы узнать, какъ отзовутся на задуманное имъ исправленіе церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. И онъ понялъ и убѣдился изъ сопротивленія, оказаннаго Нероновымъ и его братіею, что дѣйствовать тутъ одною своею патріаршескою властію недостаточно, а необходимо ему, патріарху, имѣть для себя опору въ болѣе сильной церковной власти— соборной. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, Никонъ просилъ царя Алексѣя Михайловича созвать соборъ,— о чемъ въ тоже время была просьба къ царю и отъ Неронова. Соборъ былъ созванъ въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1654 года, и происходилъ въ царскихъ палатахъ [21]). На соборѣ „предсѣдательствовалъ благовѣрный и христолюбивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя Россіи самодержецъ, и премудрый великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи“, и присутствовали: пять митрополитовъ: новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона, крутицкій Сильвестръ, сербскій Михаилъ; четыре архіепископа: вологодскій Маркеллъ, суздальскій Софроній, рязанскій Мисаилъ,

---

[21]) Соборъ былъ послѣ 27 февраля и прежде 2 мая: потому что Нероновъ въ письмѣ къ царю отъ 27 февраля только еще просилъ о созваніи собора, а въ письмахъ къ царицѣ и царскому духовнику отъ 2 мая уже упоминаетъ о немилости, постигшей епископа Павла Коломенскаго, и дѣлаетъ возраженіе противъ сказаннаго Никономъ на соборѣ относительно поклоновъ (Матеріал. для истор. раскола, 1,66,79.87—88). Кромѣ того извѣстно, что на этомъ соборѣ присутствовалъ самъ царь; а онъ 18 мая уѣхалъ изъ Москвы въ Литву къ своему войску, откуда возвратился только въ началѣ слѣдующаго года (Дворц. Разр. III, 412).

псковскій Макарій; одинъ епископъ—коломенскій Павелъ; одиннадцать архимандритовъ и игуменовъ, и тринадцать протопоповъ, всего, кромѣ предсѣдательствовавшихъ, 34 человѣка, „туже и царскому сvгклиту предстоящу". Никонъ открылъ соборъ рѣчью. Высказавъ сначала общія мысли, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ поучаться въ заповѣдяхъ Божіихъ и крѣпко на нихъ утверждаться, и что, по словамъ благочестиваго царя Юстиніана, два величайшіе дара даровалъ Богъ людямъ по своей благости: священничество и царство, изъ которыхъ одно служитъ божественнымъ, а другое правитъ человѣческими (дѣлами), но оба, происходя отъ одного и того же начала, украшаютъ человѣческую жизнь, и что они тогда только могутъ выполнять свое призваніе, если будутъ заботиться о сохраненіи между людьми божественныхъ заповѣдей и церковныхъ правилъ, Никонъ продолжалъ: „посему должно и намъ блюсти заповѣди, преданныя отъ Господа и Спасителя нашего, отъ св. апостоловъ и отъ св. отцевъ, собиравшихся на седми вселенскихъ и православныхъ помѣстныхъ соборахъ. Итакъ какъ (отселѣ говорилъ Никонъ словами, наиболѣе поразившими его въ граматѣ восточныхъ патріарховъ объ утвержденіи русскаго патріаршества), такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповрежденнымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія. И мы, по первому правилу седьмаго вселенскаго собора, со услажденіемъ пріемлемъ божественныя правила св. апостоловъ, св. соборовъ все-

ленскихъ и помѣстныхъ и св. отцевъ, какъ просвѣщенныхъ отъ одного и того же Св. Духа, и кого они прокляли, и мы проклинаемъ, кого они низвергли, и мы низвергаемъ, кого они отлучили, и мы отлучаемъ, кого они запретили, и мы запрещаемъ. Послѣдуя этимъ апостольскимъ и соборнымъ правиламъ, и св. великій соборъ, бывшій во дни благочестиваго царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Руси, возгласилъ и утвердилъ слѣдующее". Вслѣдъ затѣмъ Никонъ приказалъ прочитать, если не самъ прочиталъ, все сполна соборное Дѣяніе или грамату восточныхъ іерарховъ, собиравшихся въ Константинополѣ въ 1593 году и утвердившихъ патріаршество въ Россіи. При чтеніи этой граматы всѣ присутствовавшіе вновь слышали слова, приведенныя уже Никономъ, что должно потреблять всякія новины въ церкви и все, преданное св. отцами, сохранять безъ всякаго поврежденія, приложенія и отъятія, а вмѣстѣ услышали и символъ вѣры, изложенный въ граматѣ восточными святителями, и не могли не замѣтить тѣхъ, хотя и не многихъ, прибавленій и измѣненій, какія находились въ употреблявшемся тогда у насъ символѣ. Когда чтеніе граматы кончилось, Никонъ продолжалъ: „посему я долженъ объявить вамъ нововводные чины церковные. Въ служебникахъ московской печати положено, чтобы архіерейскія молитвы, которыми архіереи разрѣшаютъ многіе грѣхи людскіе, священникъ предъ совершеніемъ литургіи читалъ отъ своего лица за самого себя; а въ греческихъ служебникахъ и въ нашихъ старыхъ, писанныхъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ и болѣе, тѣхъ молитвъ не обрѣтается; положено еще предъ началомъ литургіи говорить отпустъ (послѣ часовъ) на всю церковь, чего ни въ греческихъ, ни въ нашихъ старыхъ не положено; да есть разности и въ дѣйствіяхъ за литургіею и въ эктеніяхъ. Посему прошу

рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовать, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ?“ Тогда царь и преосвященные митрополиты, архіепископы и епископъ, и весь освященный соборъ, всѣ единогласно отвѣчали: „достойно и праведно исправити противо старыхъ—харатейныхъ и греческихъ“. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ предложеній и вопросовъ со стороны Никона и рѣшеній или отвѣтовъ со стороны собора. *Никонъ*: „въ уставахъ нашихъ написано—отверзать царскія двери, во время литургіи, только на малый выходъ и на великій, а у насъ теперь онѣ бываютъ постоянно отверзты отъ начала литургіи до великаго выхода. Скажите: по уставу ли дѣйствовать или по нашему чину? А Греки дѣйствуютъ согласно съ нашимъ уставомъ“. *Соборъ*: „и мы утверждаемъ быть также, какъ греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ“. *Никонъ*: „въ нашихъ уставахъ написано—въ воскресный день начинать литургію въ началѣ третьяго (по нынѣшнему, девятаго) часа; а у насъ нынѣ, когда случается соборный молебенъ, литургія начинается въ началѣ седмаго и осмаго (т. е. перваго и втораго) часа. Что скажете: по уставу ли св. отцевъ начинать литургію, или по нашему обычаю въ началѣ седмаго и осмаго часа, о чемъ нигдѣ не написано?“ *Соборъ*: „быть по уставу св. отцевъ“. *Никонъ*: „по 7-му правилу седмаго вселенскаго собора, при освященіи церкви должно полагать въ нихъ мощи св. мучениковъ, а у насъ въ Россіи всѣ церкви освящаются безъ мощей; только въ антиминсѣ вшиваютъ частицы мощей, подъ престоломъ же мощей не кладутъ; а въ старыхъ нашихъ потребникахъ есть указъ о томъ, чтобы подъ престоломъ класть три части св. мощей. Что объ этомъ скажете?“ *Соборъ*: „быть по правиламъ св.

отцевъ и по уставу, какъ написано въ древнихъ потребникахъ.“ *Никонъ*: „по 15-му правилу лаодикійскаго собора, безъ малыхъ ризицъ (стихаря) никто не долженъ восходить въ церкви на амвонъ, чтобы читать и пѣть; а у насъ простецы, безъ благословенія, и двоеженцы, и троеженцы, читаютъ и поютъ въ церквахъ. Что скажете?“ *Соборъ*: „такъ же быть по правиламъ св. отцевъ“. *Никонъ*: „въ уставахъ греческихъ и въ нашихъ старыхъ написано о поклонахъ въ великую четыредесятницу, а въ новыхъ нашихъ уставахъ положено не согласно съ греческими и нашими старыми,—и о семъ должно истинно испытать“. *Соборъ*: „быть согласно съ древними уставами“. *Никонъ*: „въ нашихъ старыхъ потребникахъ и служебникахъ и въ греческихъ указано—служить на антиминсахъ; а нынѣ то не дѣлается,—антиминсъ полагаютъ подъ покровомъ. И о семъ разсудите“. *Соборъ*: „добро есть исправить согласно съ старыми и греческими книгами“. Затѣмъ благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и великій государь святѣйшій патріархъ Никонъ повелѣли написать это соборное уложеніе, ради совершеннаго его укрѣпленія, чтобы впредь быть исправленію церковныхъ книгъ, при печатаніи ихъ, по древнимъ харатейнымъ и греческимъ книгамъ, уставамъ, потребникамъ, служебникамъ и часословамъ. И Никонъ, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископомъ, съ архимандритами, игуменами, протопопами, и весь освященный соборъ утвердили соборное уложеніе подписями своихъ рукъ, „яко да имать въ предыдущія лѣта непремѣнно сему быти“ [22]).

---

[22]) Дѣяніе этого собора было первоначально напечатано въ приложеніяхъ къ Скрижали Никоновой, а недавно (1873 г.) издано вновь Братствомъ Св. Петра митрополита съ подлиннаго списка, скрѣпленнаго собственноручными подписями присутствовавшихъ на

Таковъ былъ первый у насъ соборъ по дѣлу исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Онъ не только призналъ необходимость исправленія ихъ, но утвердилъ самое начало или правило, какъ вести это исправленіе. Патріархъ Никонъ отнюдь не навязывалъ собору своихъ мыслей; онъ только напомнилъ своимъ сопастырямъ, отцамъ собора, ихъ священный долгъ хранить неизмѣнно все, преданное св. апостолами, св. соборами и св. отцами, и потреблять всякія новины въ церкви, а потомъ указалъ нѣкоторыя новины въ нашихъ тогдашнихъ книгахъ и церковныхъ обычаяхъ и спрашивалъ, что дѣлать. И самъ соборъ единогласно рѣшилъ: достойно и праведно исправить новопечатныя наши книги по старымъ— харатейнымъ и греческимъ. Противъ такого рѣшенія нельзя было ничего сказать: потому что лучшаго способа для исправленія нашихъ церковныхъ книгъ не представлялось. Можно было только не соглашаться, что тѣ или другіе обряды, на которые указалъ Никонъ, суть новины,—и такого рода несогласіе дѣйствительно заявилъ одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, епископъ Павелъ коломенскій. Вмѣстѣ съ другими онъ подписался подъ соборнымъ уложеніемъ, но подписался такъ: „Смиренный епископъ Павелъ коломенскій и коширскій; а что говорилъ на святѣмъ соборе о поклонехъ, и тотъ уставъ харатейной во оправданіе положилъ здѣ, а другой писмяной“. Своею подписью подъ актомъ собора Павелъ неоспоримо засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ уложеніемъ собора, а прибавкою къ своей подписи ясно выразилъ, въ чемъ одномъ онъ не соглашался съ прочими отцами

соборѣ лицъ, хранящагося въ москов. синод. библіотекѣ за № 379. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены еще въ предисловіи къ служебнику 1655 года.

собора, противъ чего говорилъ на соборѣ. Надобно замѣтить, что епископъ Павелъ не въ первый разъ выражалъ теперь свое противорѣчіе Никону по вопросу о поклонахъ. Еще въ прошломъ году, когда предъ наступленіемъ великаго поста издана была Никономъ „Память“ относительно земныхъ поклоновъ, Павелъ находился въ числѣ лицъ, которые, вмѣстѣ съ протопопомъ Нероновымъ, возстали противъ этой „Памяти“, написали на нее возраженія и подали государю. Потому-то особенно возраженія Павла на соборѣ относительно поклоновъ и могли раздражить Никона: въ нихъ онъ могъ увидѣть какъ бы повтореніе прежнихъ возраженій всей враждебной ему партіи [23]). А можетъ быть, Павелъ позволилъ еще себѣ въ спорѣ съ патріархомъ какія либо рѣзкія выходки противъ него, въ родѣ тѣхъ, какія прежде, на иномъ соборѣ, позволилъ себѣ протопопъ Нероновъ, или, можетъ быть, осмѣлился вообще упорно отвергать нужду въ исправленіи церковныхъ книгъ. Какъ бы ни было, только Никонъ разразился надъ несчастнымъ епископомъ страшною карою: низвергъ его съ каѳедры, снялъ съ него мантію, предалъ его тяжкому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе,—вслѣдствіе чего Павелъ сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный, звѣрями ли похищенъ, или въ рѣку упалъ и утонулъ [24]). Самъ ли Никонъ, еди-

---

[23]) Подпись Павла, епископа Коломен., см. въ подлинномъ спискѣ соборнаго Уложенія, изд. Братствомъ Св. Петра. Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Ѳеоктиста, проживавшаго при Нероновѣ въ спасокаменномъ монастырѣ, находилась „Отписка коломенскаго епископа Павла къ протопопу Ивану Неронову на осми столбцахъ“ (Матеріалы для истор. русскаго раскола, 1,331): доказательство, что между этими лицами были близкія сношенія.

[24]) Такъ сказано въ опредѣленіи собора 1666 года о низверженіи Никона (Собр. Госуд. Грам IV, № 53, стр. 184). Равно и одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, именно черниговскій, Лазарь Барановичъ выражается, что „низверженіе“ Павла

нолично и безъ суда, низвергъ епископа Павла, какъ говорили обвинители Никона на соборѣ 1666 года, или низверженіе Павла совершено было соборне, по правиламъ, какъ утверждалъ Никонъ на томъ же соборѣ, указывая на то, что дѣло о низверженіи Павла есть на патріаршемъ дворѣ: во всякомъ случаѣ такимъ жестокимъ наказаніемъ епископа Никонъ крайне повредилъ и себѣ и самому дѣлу, за которое ратовалъ: потому что еще болѣе ожесточилъ противъ себя своихъ противниковъ и возбудилъ къ нимъ сочувствіе въ народѣ [25]). Казнь постигла Павла вскорѣ, если не тотчасъ, послѣ собора, на которомъ онъ осмѣлился возражать противъ Никона.

„послужило причиною скоропостижной смерти его отъ умопомѣшательства“ (Письма *Лазаря Барановича*, письмо 38, Черниг. 1861). Но иначе передается дѣло у раскольническихъ писателей. Протопопъ Аввакумъ говоритъ въ своей біографіи, что „Никонъ напослѣдокъ огнемъ сжегъ его (Павла) въ новгородскихъ предѣлѣхъ“ (Матер. для исторіи русск. раск. V,18). Ѳедоръ Ивановъ, бывшій діакономъ московскаго благовѣщенскаго собора, въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что Никонъ „въ ссылку сослалъ его (Павла) на Хутыню въ монастырь Варлаама преподобнаго; а тамо бысть архимандритъ Баряшко нѣкто, и того Павла епископа мучилъ, угождая Никону, врагу Христову... Павелъ же той блаженный епископъ началъ уродствовать Христа ради; Никонъ же увѣдавъ и посла слугъ своихъ тамо въ новгородскіе предѣлы, идѣже онъ, ходя, странствовалъ. Они же обрѣтоша его и убиша его до смерти, и тѣло его сожгоша огнемъ, по Никонову велѣнію“ (тамъ же, VI, 196). А въ другомъ мѣстѣ самъ же Ѳедоръ говоритъ, что Никонъ „преосвященнаго Павла коломенскаго, добраго пастыря, разбойнически ободра, и *кто же вѣсть*, како его окончa“? (тамъ же VI, 284). Въ позднѣйшее время Семенъ Денисовъ въ своемъ витіеватомъ „Виноградѣ Россійскомъ“ писалъ, будто Павелъ сосланъ былъ въ палеостровскій монастырь и находился тамъ „не малое время“, и что потомъ „новочинцы (а не Никонъ именно) оттуду къ новгородскимъ странамъ отвезше, по томленіи многомъ, священнаго епископа въ срубѣ содѣланномъ огненнѣй смерти предаша“ (Статья о Павлѣ Колом.).

25) Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Ѳеоктиста, одна обозначена была такъ: „На столбцѣ—о изверженіи коломенскаго епископа—писано на обонхъ сторонахъ.“ (Матер. для исторіи русск. раскола, 1,334). Не была ли это копія съ того подлиннаго дѣла о низверженіи Павла, на которое (дѣло) ссылался Никонъ на соборѣ?

Нероновъ, въ письмѣ изъ своего заточенія отъ 2 мая того же 1654 г. къ царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ, уже умолялъ ее ходатайствовать предъ государемъ за „отца епископа Павла и братію: Даніила протопопа костромскаго, и Аввакума протопопа юрьевскаго, и Логгина протопопа муромскаго и прочихъ," какъ пострадавшихъ совершенно будто бы невинно, а въ письмѣ отъ 13 іюля къ царскому духовнику Вонифатьеву выражался: „епископа Павла, якоже слышу отъ боголюбцовъ, и бездушная тварь, видѣвъ страждуща за истину, разсѣдеся, показуя симъ церковныя красоты раздраніе" [26]). Кромѣ этихъ нашихъ домашнихъ свидѣтельствъ, есть о томъ достовѣрное свидѣтельство и одного иноземца. Въ августѣ 1654 г., 17 числа, прибылъ въ Коломну антіохійскій патріархъ Макарій со свитою, въ которой находился и сынъ его, архидіаконъ Павелъ алеппскій. „Здѣсь,—какъ пишетъ этотъ самый архидіаконъ,—по приказанію царя и его министровъ, намъ велѣли остановиться въ покояхъ епископа, потому что епископъ за какую-то вину былъ сосланъ государемъ и патріархомъ въ Сибирь." Въ этихъ покояхъ прожилъ патріархъ Макарій со свитою, по случаю свирѣпствовавшаго тогда въ Москвѣ повѣтрія, болѣе пяти мѣсяцевъ сряду, пока не открылась возможность отправиться въ Москву. И во все это время, свидѣтельствуетъ тотъ же архидіаконъ Павелъ, епископскою частію въ Коломнѣ завѣдывалъ соборный протоіерей: „ему всѣ крестьяне (епископа) приносили подати, а духовенство епархіи свои дѣла; онъ являлся вездѣ правителемъ и начальникомъ духовенства, получивъ надъ нимъ власть отъ царя и патріарха," и такъ продолжалось до самаго назначенія новаго епископа въ Коломну, Александра [27]).

---

[26]) Матер. для истор. руск. раскола, 1,79. 100—101.

[27]) *Павла алеппск.* Путешествіе Макарія, патріарха антіохійска-

Противорѣчіе, какое услышалъ Никонъ отъ епископа Павла на самомъ соборѣ, разсуждавшемъ о необходимости исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, вразумило Никона, что въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточно опираться на одномъ только соборѣ своихъ русскихъ архіереевъ и духовенства, а нужно призвать на помощь и соборъ восточныхъ православныхъ іерарховъ. Сохранилась, въ двухъ спискахъ, грамата Никона къ цареградскому патріарху Паисію отъ 12 іюня 1654 года. Здѣсь Никонъ, сказавъ о священномъ долгѣ каждаго духовнаго пастыря и предстоятеля церковной области хранить „опасно, чисто и непорочно“ всѣ преданные догматы и благочиніе православной церкви, писалъ: „нынѣ же мы, разсмотривше прилѣжно въ книгахъ нашихъ, разнство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ преписующихъ ли, или отъ переводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы.“ Потомъ просилъ патріарха Паисія разсудить, вмѣстѣ съ прочими патріархами и архіереями, соборнѣ и со всякимъ вниманіемъ о замѣченныхъ въ нашихъ книгахъ разностяхъ и новинахъ, для чего и

го, Книг. VI, отд. 8. 9; кн. XI, отд. 6, по англійскому переводу, въ т. I, стр. 310. 318—319, т. II, стр. 130. За что и куда былъ сосланъ епископъ коломенскій, Павелъ алепскій писалъ только по слухамъ, не совсѣмъ точнымъ, и именно слѣдующее: „одинъ коломенскій епископъ заупрямился и не хотѣлъ подписаться подъ соборнымъ актомъ (объ исправленіи церковныхъ книгъ), и говорилъ:“ съ того времени, какъ мы стали христіанами, какъ наслѣдовали вѣру отъ нашихъ отцевъ и дѣдовъ, которые отличались строгою привязанностію къ своимъ обрядамъ и постоянствомъ въ своей вѣрѣ, мы также ревностно стояли за свою вѣру и не примемъ новой“. Услышавъ это, царь и патріархъ сослали епископа, вмѣстѣ съ его монахами, слугами и всѣмъ имуществомъ, въ заточеніе, во глубину Сибири, за 1.500 верстъ, на берега моря, называемаго океаномъ, омывающаго земной шаръ. Тутъ съ древнихъ временъ находятся монастыри, сооруженные для ссыльныхъ. Епископа привезли въ одинъ изъ этихъ монастырей влачить жизнь, которой предпочтительнѣе смерть: такъ мрачно положеніе монастыря и невыносима жизнь среди постояннаго мрака и голода“ (въ т. II, ст. 318).

перечислялъ эти новины, тѣ же самыя, и въ томъ же порядкѣ, какіе прежде предлагалъ на обсужденіе московскаго собора. Въ заключеніе, упомянувъ, что нѣкоторые у насъ, неученые и незнающіе греческаго языка, считаютъ эти новины не за разности, а за истину, дышатъ непокорствомъ, заводятъ пренія съ благочестивыми и возжигаютъ огнь ненависти, Никонъ просилъ Паисія ускорить отвѣтомъ и совѣтомъ, какъ относительно изчисленныхъ новинъ, такъ и о томъ, „что сотворити соблазняющимся о сихъ и непокорне прящимся“ [28]). Грамата послана была къ цареградскому патріарху съ Мануиломъ Грекомъ, можетъ быть, эта самая; но только въ посланной Никонъ, вмѣсто перечня немногихъ новинъ, указанныхъ имъ на недавно бывшемъ московскомъ соборѣ, изложилъ до 27-ми вопросовъ, на которые и просилъ отвѣта, въ томъ числѣ и относительно этихъ новинъ, и прямо назвалъ епископа Павла коломенскаго и протопопа Ивана Неронова, какъ людей непокорныхъ, которые держатся иныхъ книгъ, литургіи и знаменія. Грекъ Мануилъ Константиновъ, съ дядею своимъ Юріемъ Володимеровымъ и другими товарищами, прибылъ въ Путивль 17-го, а въ Москву 28-го февраля 1654 года, и 8-го марта представлялся государю. Мануилъ привезъ изъ Царяграда, по порученію Алексѣя Михайловича, множество узорочныхъ товаровъ и драгоцѣнныхъ камней, за которыя и получилъ изъ государевой казны нѣсколько тысячъ рублей. Въ маѣ онъ началъ уже собираться въ возвратный путь, и 11-го

---

[28]) Первый списокъ этой граматы, совершенно полный, сохранился въ москов. Синод. библіотекѣ и недавно напечатанъ въ книгѣ: „Дѣяніе московскаго собора, бывшаго въ лѣто 1654“, приложен., № 1, москв. 1873. Второй списокъ, безъ нѣсколькихъ начальныхъ строкъ и всей послѣдней половины, гдѣ перечислены означенныя новины, сохранился въ москов. Главн. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Греч., связка 32, № 23.

мая послѣдовалъ указъ дать Мануилу Греку подводу и проводниковъ до Путивля и до границы, а 15-го мая приготовлена царская грамата Гетману Хмельницкому, чтобы Мануила нигдѣ въ Малороссіи не задерживали и проводили до волошской границы [29]). Отсюда можемъ заключать, что Мануилъ Грекъ выѣхалъ изъ Москвы отнюдь не позже іюня или іюля, и грамата Никона къ патріарху Паисію, подписанная 12 іюня, отправлена въ Царь-градъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ ея подписанія.

Одновременно съ тѣмъ, какъ отправлена была въ Царьградъ грамата патріарха Никона, и даже прежде, чѣмъ она была отправлена изъ Москвы, здѣсь уже начали подготовлять всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы исполнить уложеніе московскаго собора объ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. Соборъ рѣшилъ. исправлять эти книги по старымъ—харатейнымъ славянскимъ спискамъ. Царь и патріархъ приказали собрать въ Москву изъ всѣхъ древнихъ русскихъ книгохранилищъ славянскія книги, писанныя на хартіи, и такія книги были высланы изъ монастырей: троице-сергіева, іосифо-волоколамскаго, новгородскихъ—юрьева и хутыня и изъ прочихъ. Соборъ рѣшилъ: исправлять наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ—харатейнымъ спискамъ, но вмѣстѣ и по древнимъ греческимъ. Царь и патріархъ, находя, что старыхъ греческихъ книгъ въ Россіи мало, отправили за ними, со многою своею милостынею, на Аѳонъ и въ другія старожитныя мѣста на востокѣ извѣстнаго уже намъ старца Арсенія Суханова. Мы видѣли, что изъ первой своей по-

---

29) Москов. главн. архив. мннист. иност. Дѣлъ, дѣла греч., связк. 32, № 7. А вопросы, съ какими обратился Никонъ къ патр. Паисію, узнаемъ изъ отвѣтной граматы послѣдняго.

ѣздки на востокъ онъ возвратился въ іюнѣ 1653 года, и привезъ съ собой свой „Проскинитарій“, изъ котораго русскіе дѣйствительно могли убѣдиться, что православные востока во многомъ разнятся отъ нихъ при отправленіи церковныхъ службъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ. Теперь на Арсенія возлагалась совсѣмъ другая задача: ему поручалось не то, чтобы описать, какъ отправляли церковныя службы и соблюдали церковные обряды тогдашніе греки, около уже двухъ столѣтій страдавшіе подъ невыносимымъ игомъ мусульманъ, а то, чтобы собрать древнія греческія книги, изъ которыхъ можно было бы видѣть, какъ совершали церковныя службы древніе православные греки и, по примѣру ихъ, должны совершать всѣ православные. Мы видѣли также, что, при первой своей поѣздкѣ на востокъ, Арсеній велъ жаркія пренія съ греками о вѣрѣ, рѣзко отстаивалъ употреблявшееся въ Россіи двуперстіе для крестнаго знаменія, укорялъ грековъ въ разныхъ отступленіяхъ, и тогда же замѣтили, что не одинъ Арсеній, а и другіе современные ему русскіе книжники точно такъ смотрѣли и на двуперстіе и на грековъ [30]). Теперь Арсеній, проживши, по возвращеніи съ востока, довольно долго въ Москвѣ, въ то самое время, какъ Никонъ, прежде такъ же смотрѣвшій на грековъ и крестившійся двумя перстами, созналъ появившіяся въ нашей церкви новины, началъ обличать ихъ и старался возстановить древнее наше троеперстное крестное знаменіе, теперь Арсеній измѣнился въ своихъ мысляхъ, сталъ, вмѣстѣ съ другими, на сторону патріарха Никона, а не его противниковъ, и

---

[30]) Предислов. къ печатн. москов. служебнику 1655 года. А о прежней поѣздкѣ Арсенія на востокъ и преніяхъ съ греками о вѣрѣ см. нашей Истор. Р. Ц. въ т. XI.

сдѣлался ему совершенно единомысленнымъ. Потому-то Никонъ и возложилъ на Арсенія новое свое порученіе, а по исполненіи этого порученія Арсеніемъ, опредѣлилъ его однимъ изъ справщиковъ церковныхъ книгъ и вскорѣ сдѣлалъ келаремъ Сергіевой лавры. Арсеній отправленъ былъ за греческими книгами со многою казною въ самомъ началѣ 1654 г., и слѣдовательно еще до московскаго собора, бывшаго въ этомъ году: потому что 4-го февраля онъ уже находился въ Яссахъ, откуда и прислалъ царю отписку, сохранившуюся доселѣ, а въ іюлѣ уже находился въ Константинополѣ, какъ извѣщалъ (отъ 29-го іюля 1654 г.) нашего государя патріархъ Паисій чрезъ грека Юрія Константинова [31]). Арсеній неограничился одною аѳонскою горою, а посѣтилъ и въ этотъ разъ, кромѣ Царьграда, Іерусалимъ и другія мѣста востока. Болѣе всего книжныхъ сокровищъ нашелъ Арсеній на Аѳонѣ въ монастыряхъ ватопедскомъ, хиландарскомъ, иверскомъ, пантократоровомъ, русскомъ, павловскомъ и другихъ, и оттуда доставлено было въ Москву до 500 древнихъ греческихъ книгъ. Въ числѣ ихъ находились книги библейскія, творенія св. отцевъ и книги собственно богослужебныя: служебники, требники, уставы, часословы, тріоди, минеи и другія. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ писаны были за 400 лѣтъ, другія за 500, или 600, или 700 лѣтъ и болѣе, а одно евангеліе даже за 1.050 лѣтъ. Кромѣ того не менѣе 200 древнихъ книгъ прислали іерархи, александрійскій, антіохійскій,

---

31) Въ отпискѣ Арсеній писалъ: „по твоему государеву указу отпущенъ я во аеонскую гору, и февраля, государь, въ 4 день пріѣхалъ я, богомолецъ твой, въ Яссы и былъ съ твоею государевою граматою у молдавскаго у Стефана воеводы“. Отписка эта—въ москов. главн. архивѣ мин. иностр. Дѣлъ, дѣла Греч., связк. 32, № 9. А означенное письмо патр. Паисія къ царю—тамъ же связк. 33, № 3.

халкидонскій, никейскій, пекскій, охридскій, сербскій и другіе, которымъ посланы были просьбы изъ Москвы; а изъ Іерусалима прислалъ патріархъ евангеліе, писанное за 600 лѣтъ прежде [32]).

Въ ноябрѣ 1654 года Арсеній прислалъ къ государю отписку изъ волошской земли, и слѣдовательно находился уже на возвратномъ пути, а въ январѣ 1655 года, вѣроятно, возвратился уже въ Москву: по крайней мѣрѣ, въ это время прибылъ въ Москву архимандритъ эсфигменскаго монастыря Аѳеимъ и привезъ съ Аѳона книги и грамату, въ которой игумены, священники и старцы всѣхъ монастырей св. горы писали, что „они отъ государя посланнаго старца Арсенія приняли и отпустили честно, и его государское повелѣніе исполнили, и книжныя сокровища показали, и дали 498 книгъ, и съ тѣми книгами послали къ государю эсфигменскаго архимандрита Аѳеима [33]). Впрочемъ не всѣ книги съ Аѳона при-

---

[32]) Письмо Никона къ цареград. патр. Діонисію—въ записк. русск. и славян. археол. II, 519; Предислов. къ печати. Москов. Служебн. 1655 года. Архидіаконъ Павелъ алеппскій также пишетъ: „Патріархъ и царь, по совѣщаніи, отправили Арсенія на св. гору съ щедрою милостынею для монастырей и съ граматами къ настоятелямъ о присылкѣ древнихъ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, какія у нихъ найдутся. Нужно замѣтить, что настоящій патріархъ и царь очень расположены къ греческимъ церковнымъ церемоніямъ и обрядности, замѣтивъ, что въ ихъ собственныя церковныя богослужебныя книги, съ теченіемъ времени, вкрались различныя измѣненія и ошибки... Арсеній отправился и вывезъ съ Аѳона около пятисотъ большихъ книгъ различнаго рода. Мы встрѣтились съ нимъ, когда онъ прибылъ въ Валахію (а въ Валахіи Арсеній находился въ первые мѣсяцы 1654 г). Послѣ того онъ поѣхалъ въ Константинополь, и осмотрѣлъ тамъ всѣ достопримѣчательности. На возвратномъ пути онъ пріобрѣлъ, по приказу своего патріарха, множество кипарисныхъ досокъ для иконъ; кипарисное дерево здѣсь очень цѣнится... За эти услуги Арсенія, патріархъ далъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ церковномъ управленіи, сдѣлалъ его келаремъ или намѣстникомъ Свято-троицкаго Сергіева монастыря“. (Путеш. Макарія, патр. антіох., кн. X, отд. 7, въ т. II, стр. 78—79).

[33]) Москов. Главн. арх. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч. связк. 33, № 3.

везены теперь: настоятели нѣкоторыхъ монастырей, наприм., павловскаго, хиландарскаго, сами доставили изъ своихъ монастырей книги уже въ іюлѣ того года [34]).

Для того, чтобы исправлять наши церковныя книги съ древнихъ греческихъ или вновь переводить книги съ греческаго языка на славянскій, нужны были люди, хорошо знакомые съ тѣмъ и другимъ языкомъ. И такихъ людей нашелъ Никонъ. Это были: іеромонахъ Епифаній Славеницкій, вызванный еще въ 1649 году изъ кіево-братскаго училища; строитель и потомъ келарь сергіевой лавры Арсеній Сухановъ; архимандритъ иверскаго аѳонскаго монастыря Діонисій, пріѣхавшій, впрочемъ, къ намъ съ св. горы уже въ 1655 г. іюня 26-го, для управленія греческимъ никольскимъ монастыремъ въ Москвѣ, и извѣстный подъ именемъ святогорца, и старецъ Арсеній Грекъ [35]). Послѣдній, едва ли не болѣе всѣхъ ихъ пользовавшійся довѣріемъ патріарха Никона, прибылъ къ намъ въ 1649 г. въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Паисія, подъ именемъ уставщика. Въ Москвѣ Арсеній обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что зналъ многіе языки, и государь пожелалъ оставить его у себя, на что Паисій и согласился. Но Паисій лично почти не зналъ Арсенія и не могъ за него поручиться, принявъ его въ свою свиту лишь въ Кіевѣ во время своего странствованія въ Москву. Потому, когда отправился въ обрат-

---

[34]) Тамъ же связк. 33, № 6.

[35]) Въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки, какъ Арсенія Суханова, такъ и Арсенія Грека и Діонисія святогорца въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ (*Румянцев.* Древн. изданія москов. печатн. двора стр. 13, 32, примѣч. 67). О времени пріѣзда къ намъ архимандрита Діонисія святогорца—москов. глав. арх. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 22.

ный путь и, остановившись въ Путивлѣ, услышалъ здѣсь отъ приходившихъ малороссскихъ старцевъ и людей волошскаго воеводы разные неблагопріятные толки объ Арсеніи, то счелъ нужнымъ, при благодарственномъ письмѣ своемъ къ царю, отъ 1-го іюля 1649 г., за всѣ его милости, написать еще слѣдующія слова: „еще да будетъ вѣдомо тебѣ, благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ твоемъ царствѣ: испытайте его добрѣ, утвержденъ ли онъ въ своей благочестивой христіанской вѣрѣ. Прежде былъ онъ инокомъ и священникомъ, и сдѣлался бусурманомъ; потомъ бѣжалъ къ ляхамъ, и у нихъ обратился въ уніата,—способенъ на всякое злое бездѣліе: испытайте его добрѣ, и все это найдете. Мнѣ все подробно разсказали старцы, пришедшіе отъ гетмана: велите разспросить, что мнѣ разсказывали тѣ старцы и люди Матвѣя воеводы волошскаго, будетъ ли такъ, или нѣтъ, какъ я писалъ къ брату и сослужителю моему, патріарху Іосифу. Лучше прекратите эту молву, пока онъ самъ (Арсеній) здѣсь, чтобы не произошло соблазна церковнаго. А если я еще что провѣдаю подлинно, то напишу къ вашему величеству: ибо я долженъ, что ни услышу, о томъ извѣщать. Не подобаетъ на нивѣ оставлять терніе, чтобы она вся не заросла имъ: нужно удалять и тѣхъ, которые держатся ереси и двуличны въ вѣрѣ. Я нашелъ его въ Кіевѣ и взялъ съ собою, а онъ не мой старецъ... Я того про него не вѣдалъ, а нынѣ узнавъ о томъ, пишу къ вашему величеству, да блюдете себя отъ таковыхъ, чтобы не осквернялъ церкви Христовой такіе поганые и злые люди“ [36]). Вскорѣ за тѣмъ, именно 23-го іюля такія же вѣсти объ Арсеніи Грекѣ

---

[36]) Москов. глав. арх. мин. иностр. Дѣлъ; дѣла греч., связк. 27, № 7.

прислалъ Алексѣю Михайловичу и Арсеній Сухановъ [37]). Вслѣдствіе этого царь приказалъ боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да думному дьяку Михаилу Волошенинову разспросить старца Арсенія, и 25-го іюля они разспрашивали его, гдѣ онъ родился и воспитывался, гдѣ и когда постригся и былъ ли священникомъ, бывалъ ли въ Римѣ и Польшѣ, и Арсеній показалъ: „родомъ онъ Грекъ турецкой области; отецъ его Антоній былъ попомъ и строителемъ въ великомъ новомъ селѣ города Трикала, и имѣлъ пять сыновъ, которые всѣ живы. Двое изъ нихъ Андрей и Иванъ живутъ въ мірѣ, третій — Димитрій протопопомъ, четвертый — Аѳанасій—архимандритомъ, а пятый—онъ Арсеній. Знающіе его, Арсенія, есть здѣсь на Москвѣ пріѣзжіе Греки одного съ нимъ города: одного зовутъ Памфиломъ, другаго Иваномъ; прозвищъ ихъ не помнитъ. Крещенъ въ младенчествѣ, и, сказываютъ, воспріемникомъ ему былъ того же города архіепископъ. Граматѣ и церковному кругу учился у отца своего; а потомъ бралъ его съ собою, четырнадцати лѣтъ, въ венеціанскую землю братъ его архимандритъ Аѳанасій

---

37) Въ 1666 г., февраля 10, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ послать Посольскаго Приказа „на патріаршій дворъ ко властемъ“ выписку „о старцѣ Арсеніѣ Грекѣ, который былъ у книжной справки“. Въ этой выпискѣ, между прочимъ, сказано, что 23 іюля 1649 г. писалъ царю государю троицкаго богоявленскаго монастыря строитель Арсеній Сухановъ; „іюля де во второй день сказывалъ ему, Арсенію, въ Путивлѣ іерусалимскаго патріарха Паисія казначей, старецъ Іоасафъ про того старца Арсенія, что онъ родомъ гречинъ и былъ черный попъ, и потомъ-де, невѣдомо какимъ случаемъ, былъ онъ бусурманъ, а изъ бусурманской вѣры ушолъ въ польскую землю, и былъ въ уніатской вѣрѣ, и пришелъ де изъ Польши, жилъ въ Кіевѣ. А какъ іерусалимскій патріархъ пришелъ въ Кіевъ, а дидаскала его не стало, и патріархъ, вмѣсто своего дидаскала, взялъ того старца Арсенія съ собою къ Москвѣ. И нынѣ патріахъ Паисій скорбитъ о томъ гораздо, чтобъ де тотъ старецъ Арсеній съ Москвы не ушолъ опять въ бусурманскую вѣру“ (Москов. главн. арх. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч., связк. 44, № 34).

для ученія, и въ Венеціи онъ выучился грамматикѣ. А изъ Венеціи тотъ же братъ свезъ его для ученія въ Римъ, гдѣ и былъ онъ пять лѣтъ, и учился въ школѣ Омирову и Аристотелеву ученію и седми соборамъ. Когда же дошло до осмаго и девятаго собора, то отъ него, Арсенія, потребовали присяги съ клятвою, что онъ приметъ римскую вѣру: ибо иначе того ученія никому не открываютъ и учить не велятъ. Видя то, онъ прикинулся больнымъ и уѣхалъ изъ Рима, чтобы не отпасть отъ греческой вѣры." Тутъ Арсенія спросили, у кого онъ жилъ въ Римѣ, и отъ кого пріобщался св. Христовыхъ Таинъ, или онъ принималъ сакраментъ. И Арсеній сказалъ: „жилъ онъ въ Римѣ у греческой церкви св. Аѳанасія великаго, гдѣ живетъ православный митрополитъ греческой вѣры съ пятью или шестью греческими старцами. Съ ними-то и жилъ онъ, Арсеній, и принималъ причастіе Христовыхъ Таинъ отъ того митрополита, а сакрамента въ Римѣ не принималъ. Да и митрополитъ тотъ держитъ только семь соборовъ, а осмаго и девятаго не держитъ, и къ папѣ не пріобщается. Только когда папа велитъ ему быть на соборѣ, онъ на соборы къ папѣ ходитъ и за папу Бога молитъ." Арсенію замѣтили, что онъ говоритъ ложь, будто жилъ въ Римѣ у греческой церкви, и митрополитъ тотъ не уніатъ, когда всему свѣту извѣстно, что папа приводитъ всѣхъ иновѣрцевъ въ Римѣ къ своей вѣрѣ посредствомъ уніи и другими мѣрами, не только учащихся въ школахъ, но и приводимыхъ туда плѣнныхъ, и когда митрополитъ тотъ ходитъ къ папѣ на соборы и молится за него, и что ему, Арсенію, какъ бывшему сообщнику того митрополита и уніату, слѣдовало бы принести чистое покаяніе Богу и повиниться предъ государемъ и сказать правду. Арсеній отвѣчалъ: „онъ говоритъ правду, что находясь въ Римѣ, въ уніатствѣ не былъ

и сакрамента не принималъ. Не хотя пріобщиться къ римской вѣрѣ, онъ изъ Рима переѣхалъ въ венеціанскій городъ Бадовъ, и тамъ три года учился философскимъ наукамъ и лѣкарскому ученію. А изъ Бадова онъ пришелъ въ Царь-городъ къ брату своему, архимандриту Аѳанасію, и желалъ постричься. Но постричь его не хотѣли, думая, что онъ въ римской вѣрѣ, и онъ сказалъ, что ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, не бывалъ въ римской вѣрѣ, и предъ всѣми ту римскую вѣру проклялъ трижды. Братья хотѣли его женить, но онъ не согласился и постригся 23-хъ лѣтъ. На другой годъ поставленъ въ дьяконы, а вскорѣ затѣмъ въ попы, отъ ларійскаго епископа Каллиста. Послѣ того вскорѣ тотъ же епископъ поставилъ его на Кяѳѣ островѣ въ богородицкій монастырь игуменомъ, и былъ онъ тамъ игуменомъ шесть мѣсяцевъ. Изъ монастыря ѣздилъ онъ. Арсеній, въ городъ Хію купить книгъ о седми соборахъ, но книгъ не добылъ и отправился въ Царьгородъ, и находясь у одного великаго человѣка, Грека Антонія Вабы, училъ сына его грамматикѣ. Изъ Царьгорода пріѣхалъ въ мутьянскую землю къ воеводѣ Матвѣю и жилъ у него три мѣсяца. Отъ Матвѣя воеводы пріѣхалъ въ молдавскую землю къ воеводѣ Василію и жилъ у него два года. Изъ Молдавіи переѣхалъ въ Польшу, въ городъ Львовъ, и тутъ ему сказали, что есть школа въ Кіевѣ, только безъ королевской граматы его въ ту школу не примутъ. И онъ, Арсеній, ѣздилъ о томъ бить челомъ къ королю Владиславу въ Варшаву. Король былъ тогда боленъ каменною болѣзнію, и Арсеній, котораго рекомендовали королю, какъ искуснаго врача, вылѣчилъ его, и Владиславъ далъ въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову отъ себя грамату, чтобы Арсенія въ школу приняли“. Арсенію сказали: „государю сдѣ-

лалось извѣстнымъ, что онъ, Арсеній, былъ уніатомъ, и, оставя чернечество и іерейство, былъ бусурманомъ, а изъ бусурманства былъ опять въ уніатствѣ, и онъ бы нынѣ про то сказалъ правду". Арсеній: „то про него кто-то говоритъ неправду; уніатомъ и бусурманомъ онъ не бывалъ. А если кто уличитъ его, что онъ былъ уніатомъ и бусурманомъ, тогда пусть царское величество велитъ снять съ него кожу; милости въ томъ онъ у государя не проситъ". Арсенію замѣтили, что бусурманство свое онъ, безъ сомнѣнія, таитъ; а когда оно обнаружится, ему нечѣмъ будетъ оправдаться. Арсеній повторялъ прежнія свои рѣчи и продолжалъ: „былъ тогда въ Царьградѣ патріархъ Парѳеній, который хотѣлъ поставить его, Арсенія, епископомъ надъ двумя епископіями, моѳонскою и коронскою. Но визирь, узнавъ, что онъ, Арсеній, долгое время жилъ въ Венеціи, и будто привезъ оттуда многую казну, чтобы купить себѣ у патріарха тѣ епископіи и съ ними приложиться къ венеціанамъ, съ которыми у султана начиналась тогда война, велѣлъ схватить его, Арсенія. И было ему многое истязаніе, и платье съ него сняли и камилавку; надѣли на него чалму и вкинули его въ тюрьму. Сидѣлъ онъ въ той тюрьмѣ недѣли съ двѣ, и ушелъ изъ нея въ мутьянскую землю, а бусурманомъ не бывалъ". Тогда Арсенію объявили, что о его уніатствѣ и бусурманствѣ писалъ государю и святѣйшему Іосифу самъ патріархъ Паисій, который слышалъ о томъ отъ кіевскихъ старцевъ, пришедшихъ отъ гетмана. Арсеній: „тѣ кіевскіе старцы сказывали про него патріарху Паисію ложь. Онъ уніатомъ и бусурманомъ не бывалъ; а какъ онъ, по наносу на него визирю, сидѣлъ въ тюрьмѣ и тамъ было ему мученье, о томъ онъ разсказалъ патріарху Паисію и во всемъ ему исповѣдывался, и патріархъ его во

всемъ простилъ". Арсенію возразили, что патріархъ Паисій вовсе о томъ доселѣ не зналъ, какъ самъ пишетъ; а если бы зналъ, то онъ бы его, Арсенія, для риторскаго ученія въ московскомъ государствѣ не оставилъ... Арсеній: „въ томъ онъ предъ Богомъ грѣшенъ и предъ государемъ виноватъ, что такова дѣла царскому величеству не извѣстилъ, а обусурманенъ де онъ неволею. Когда же онъ послѣ того пришелъ въ волошскую землю, то митрополитъ янинской Іоасафъ, его, Арсенія, въ вѣрѣ исправилъ и мѵромъ помазалъ. Да и патріарху Паисію онъ про то объявилъ же и покаяніе принесъ. И патріархъ въ томъ его простилъ и благословилъ, и грамату прощальную и благословенную ему далъ, и та грамата патріархова и нынѣ у него, Арсенія. А государя онъ не извѣстилъ потому, что его Паисій патріархъ простилъ и служить ему велѣлъ. На Москвѣ жъ остался онъ не своею волею: про то извѣстно великому государю". Тѣмъ и окончилось распросное дѣло Арсенія Грека, которое мы намѣренно привели цѣликомъ, чтобы всякій могъ судить, на сколько Арсеній виновенъ. Хотя и вѣроятно, что онъ принялъ унію въ Римѣ, какъ должны были принимать ее всѣ Греки, обучавшіеся въ римской греческой коллегіи, но самъ онъ въ этомъ не сознался и, по возвращеніи на родину, трикратно предъ всѣми проклиналъ римскую вѣру. Если онъ и былъ обусурманенъ, то обусурманенъ неволею, и потомъ покаялся въ этомъ, былъ присоединенъ къ церкви чрезъ мѵропомазаніе янинскимъ митрополитомъ, и отъ самого патріарха Паисія получилъ прощальную и благословенную грамату. Въ Москвѣ, однакожъ, этимъ не удовольствовались. Іюля 27-го, по указу государя, описана была вся рухлядь Арсенія на ростовскомъ подворьѣ, гдѣ онъ остановился, въ томъ числѣ были многія греческія печатныя книги, бого-

служебныя, св. отцевъ — Кирилла іерусалимскаго, Златоуста, Іоанна Дамаскина, древнихъ писателей— Гомера, Аристотеля, и учебныя, грамматика, лексиконъ и другія. И того же числа данъ былъ указъ боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову сослать греческаго старца Арсенія въ соловецкій монастырь„ для исправленья православныя греческія вѣры"; а 30-го іюля посланъ былъ отъ царя указъ въ соловецкій монастырь, чтобы, когда будетъ привезенъ Грекъ старецъ Арсеній „для исправленья православной христіанской вѣры", то отдали бы его подъ крѣпкое начало уставщику Никодиму, и береженье къ нему велѣли держать большое, изъ монастыря его никуда не выпускали, а пищу и одежду и обувь давали ему братскую. Отъ 3-го сентября игуменъ и братія соловецкаго монастыря извѣстили государя, что старецъ Арсеній Грекъ къ нимъ прибылъ, и воля государева будетъ исполнена [38]).

Въ соловецкомъ монастырѣ за Арсеніемъ внимательно слѣдили, подробно его распрашивали и составили о немъ краткое біографическое извѣстіе. Оказывается, что онъ въ молодые годы, когда обучался въ латинскихъ училищахъ, дѣйствительно перемѣнялъ вѣру и былъ въ уніи, какъ сознался на исповѣди духовнику своему священнику Мартирію, потому что иначе не принимали въ тѣ училища. Но, возвратившись въ Грецію, снова принялъ православіе и даже посвященъ былъ во священника, постригшись въ монашество. Въ Соловкахъ прожилъ Арсеній око-

---

[38]) Подлинное дѣло о допросѣ старца Арсенія Грека и отправленіи его въ соловецкій монастырь находится въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Греч. Связк. 27, № 33. Оно же цѣликомъ помѣщено и въ выпискѣ объ этомъ Арсеніи Грекѣ, какая въ 1666 г. послана была изъ посольскаго приказа ко властямъ на патріаршій дворъ (тамъ же связк. 44, № 34).

ло трехъ лѣтъ „въ добромъ послушаніи у инока Никодима“ и успѣлъ научиться славянской граматѣ и русскому языку. Послѣ столь продолжительнаго испытанія иноки соловецкіе убѣдились, что Арсеній вовсе не еретикъ, и „что въ немъ обрѣли здраво, въ томъ его и похвалили: обрѣли въ немъ здравое исповѣданіе вѣры, безъ приложенія и безъ отъятія“. Но замѣтили, что онъ плохо исполнялъ внѣшніе обряды: поклоны, посты и проч. Онъ даже будто бы молился не тремя, а двумя перстами, какъ молились тогда иноки соловецкіе, и вообще восхвалялъ русскіе церковные обряды, а о Грекахъ говорилъ: „у насъ много потеряно въ неволѣ турецкой... нѣтъ ни поста, ни поклоновъ, ни молитвы келейной“... [39]). Такіе добрые отзывы о вѣрѣ Арсенія Грека Никонъ могъ услышать въ самомъ соловецкомъ монастырѣ, когда приходилъ туда за мощами святителя Филиппа, и потомъ могъ передать и государю. Да и власти монастырскія обязаны были донести въ Москву, какимъ нашли Арсенія, который присланъ былъ оттуда въ ихъ обитель собственно на испытаніе. Наконецъ, и самъ Арсеній Грекъ билъ челомъ государю: „сосланъ де онъ въ соловецкій монастырь, и, по правиламъ св. отецъ, урочные лѣта въ запрещеніи ему прешли, по второму помѣстному собору, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ подъ начала свободить и быти въ монастырѣ, гдѣ государь укажетъ“ [40]). Неудивительно, если Никонъ, основываясь на свидѣтельствѣ соловецкихъ иноковъ о правовѣріи Арсенія послѣ трехлѣтняго его испытанія, лишь

---

[39]) Правосл. Собесѣдникъ 1858 г., III, 328—353.

[40]) Эта челобитная Арсенія Грека такъ же помѣщена въ выпискѣ, или справкѣ о немъ, какая послана была въ 1666 г. изъ посольскаго Приказа ко властямъ на патріаршій дворъ (Моск. главн. арх. М. И. Д. лѣла Греч., Связк. 44, № 34).

только сдѣлался патріархомъ, рѣшился съ соизволенія государя, вызвать Арсенія къ себѣ, какъ человѣка ученаго, правовѣрнаго и способнаго послужить своими знаніями на пользу церкви; далъ ему келлію въ своемъ патріаршемъ домѣ, сдѣлалъ его библіотекаремъ своей патріаршей библіотеки и однимъ изъ справщиковъ и переводчиковъ книгъ съ греческаго языка. А Нероновъ, можетъ быть, не зная объ этомъ свидѣтельствѣ о правовѣріи Арсенія, или по одному лишь озлобленію противъ Никона, уже въ 1654 г. ставилъ ему въ укоръ, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ въ справщики книгъ Грека Арсенія, котораго патріархъ Паисій назвалъ будто бы еретикомъ [41]). Надобно присовокупить, что, для удобнѣйшаго наблюденія за печатаніемъ новоисправленныхъ книгъ, царь приказалъ еще въ 1654 г. передать печатный дворъ, со всѣми его учрежденіями и справщиками книгъ, доселѣ находившійся въ вѣдѣніи приказа Большаго дворца, патріарху Никону въ его непосредственное и полное распоряженіе [42]).

Весьма важнымъ обстоятельствомъ для Никона, въ дѣлѣ исправленія книгъ, послужило послѣдовавшее тогда прибытіе въ Москву двухъ новыхъ патріарховъ: антіохійскаго Макарія и сербскаго Гавріила. Макарій еще въ 1653 г., отъ 15-го марта, писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что прибылъ въ Молдавію и проживаетъ у молдованскаго воеводы Іоанна-Василія, а послѣ Пасхи, если дастъ Богъ здоровье, намѣренъ отправиться въ Россію, почему и просилъ, что-

---

[41]) Никонъ отвѣчалъ Неронову: „лгутъ де на него (Арсенія Грека); то де на него солгалъ, по ненависти, троицкой старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и въ прочія государства“ (Матеріал. для истор. русск. раскола, I. 64. 150).

[42]) *Румянцев.* Древн зданія моск. печатн. двора. стр. 33, прим. 69.

бы государь разрѣшилъ ему это и приказалъ путивльскимъ воеводамъ принять его и проводить къ Москвѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года въ Москвѣ получена была вѣсть, что патріархъ Макарій находился уже въ мутьянской землѣ у воеводы Матѳея, что туда же прибылъ патріархъ сербскій и болгарскій, архіепископъ пекскій Гавріилъ, и оба патріарха живутъ въ одномъ монастырѣ. Здѣсь они познакомились и положили между собою, чтобы прежде ѣхалъ къ царю сербскій патріархъ [43]). Къ 1-му мая 1654 г. онъ уже пріѣхалъ въ Путивль, и называя себя ватопедскаго вознесенскаго монастыря архіепископомъ, патріархомъ сербскимъ и болгарскимъ, объявилъ, что ѣдетъ въ Москву за милостынею по жалованной граматѣ царя Михаила Ѳедоровича, данной означенному монастырю еще въ 1641 г., почему немедленно и былъ отпущенъ изъ Путивля въ Москву воеводою Степаномъ Пушкинымъ. Но когда извѣстіе объ этомъ получено было въ Москвѣ, то отсюда посланъ былъ путивльскому воеводѣ указъ, чтобы онъ впредь никого изъ греческихъ властей въ Москву не пропускалъ, потому что государя нѣтъ въ Москвѣ, онъ пошелъ на войну противъ своего недруга, польскаго короля, а на встрѣчу сербскому патріарху Гавріилу отправленъ былъ толмачъ посольскаго приказа Аѳанасій Букаловъ, чтобы остановить его и воротить въ Путивль. Изъ Путивля Гавріилъ обратился съ просьбою къ патріарху Никону и только по его ходатайству получилъ позволеніе ѣхать въ Москву, куда и прибылъ къ 28-му мая. Затѣмъ 5-го іюня въ посольскомъ приказѣ патріархъ Гавріилъ объявилъ, что въ области его

---

[43]) Москов. главн. архив. М. И. Д., дѣла Греч., связк. № 34; связк. 32, № 8.

было 8 митрополитовъ и 32 епископа; выѣхалъ онъ изъ своей земли отъ насилія невѣрныхъ на житье въ Россію, и теперь мѣсто его никѣмъ не занято; привезъ онъ съ собою граматы къ царю и патріарху Никону отъ антіохійскаго патріарха Макарія и отъ гетмана Хмельницкаго, да кромѣ того привезъ письменные книги—Типикъ и Сборникъ патріарха цареградскаго Михаила Кавасилы на латинскую ересь, да житія и повѣсти св. сербскихъ царей и патріарховъ, съ цѣлію, не найдетъ ли патріархъ Никонъ полезнымъ напечатать эти книги; еще привезъ три книги, которыми кланяется патріарху Никону: свитокъ житій святыхъ сербскихъ, тетради Кирилла философа и учителя Славянъ и книгу Св. Василія великаго съ тремя напечатанными литургіями. Государя въ Москвѣ Гавріилъ дѣйствительно уже не засталъ; а черезъ полтора мѣсяца съ небольшимъ, по случаю открывшагося въ Москвѣ мороваго повѣтрія, удалился изъ нея и Никонъ съ царскимъ семействомъ. Гавріилу пришлось здѣсь быть свидѣтелемъ того страшнаго опустошенія, какое производила свирѣпствовавшая эпидемія. Въ числѣ другихъ жертвъ, она похитила и многихъ изъ духовенства, такъ что нѣкоторыя церкви оставались безъ пѣнія. За отсутствіемъ Никона, стали обращаться съ просьбами къ сербскому первосвятителю, чтобы онъ ставилъ новыхъ поповъ и діаконовъ. Онъ отнесся къ Никону, и Никонъ прислалъ ему (въ декабрѣ 1654 г.) грамату, которою уполномочивалъ его рукополагать ставленниковъ въ попы и діаконы согласно съ дѣйствовавшими въ Москвѣ патріаршими указами [44]). Къ 20 числу іюля того же 1654 года прибылъ въ Путивль и антіохійскій патріархъ Макарій и чрезъ нѣсколько

[44]) Тамъ же связк. 32, № 15.

дней отправился далѣе. Но когда онъ проѣхалъ уже Калугу, его встрѣтилъ присланный изъ Москвы переводчикъ посольскаго приказа Иванъ Боярчиковъ, объяснилъ ему, что въ столицѣ свирѣпствуетъ повѣтріе, и отъ имени государя просилъ остановиться на время въ Коломнѣ, а между тѣмъ отъ 4 августа государь далъ указъ приготовить въ Коломнѣ для помѣщенія антіохійскаго патріарха и его свиты „коломенскаго епископа дворъ“ и давать патріарху и его свитѣ „хлѣбные и рыбные запасы изъ запасовъ коломенскаго епископа“. Прожить въ Коломнѣ патріарху пришлось болѣе пяти мѣсяцевъ. И такъ какъ въ городѣ этомъ не было тогда своего епископа (Павелъ былъ уже сосланъ въ заточеніе) то патріархъ Макарій часто совершалъ службы въ коломенскихъ церквахъ, а по прекращеніи эпидеміи, которая опустошила и Коломну съ ея округомъ, рукоположилъ многихъ священниковъ и діаконовъ для коломенской епархіи. Въ Москву прибылъ Макарій только 2 февр. 1655 г., за восемь дней до возвращенія въ нее государя изъ литовскаго края. По назначенію царя Алексѣя Михайловича, оба патріарха представлялись ему въ одинъ и тотъ же день—12 февраля. Сначала представился антіохійскій Макарій, и принятъ былъ въ золотой палатѣ съ величайшими почестями, какъ прежде принимались іерусалимскіе патріархи Паисій и Ѳеофанъ, и тутъ же получилъ отъ государя разрѣшеніе идти для представленія къ патріарху Никону. Послѣ Макарія представился государю и патріархъ сербскій Гавріилъ; но принятъ былъ такъ, какъ прежде принимались митрополиты и архіепископы, и такіе же получилъ отъ государя дары, а затѣмъ пошелъ также явиться Никону и еще засталъ у него Макарія. Здѣсь, всѣ трое вмѣстѣ, приглашены были они къ царскому столу, по случаю бывшихъ въ тотъ день имянинъ

царевича Алексѣя Алексѣевича. Антіохійскому патріарху, естественно, оказывали у насъ полное предпочтеніе предъ сербскимъ, такъ какъ послѣдній не былъ признаваемъ въ патріаршемъ достоинствѣ всею восточною церковію. Оба патріарха, антіохійскій и сербскій, оставались у насъ долго; оба, съ позволенія государя, путешествовали въ троице-сергіевъ и другіе монастыри, а такъ же въ Новгородъ; оба весьма часто приглашаемы были Никономъ совершать съ нимъ богослуженія. Но,—самое важное,—оба, особенно же антіохійскій, послужили Никону, какъ могли, въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ [45]).

Случай къ тому скоро представился. Настала недѣля православія. Богослуженіе въ этотъ день совершалось въ успенскомъ соборѣ съ необыкновенною торжественностію. Въ немъ участвовали три патріарха, московскій, антіохійскій и сербскій, пять другихъ русскихъ архіереевъ и множество архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства. Храмъ былъ переполненъ мо-

---

[45]) О пріѣздѣ антіох. патр. Макарія въ Россію и о назначеніи ему временнаго пребыванія въ Коломнѣ, тамъ же связк. 32, № 21. А о пребываніи его въ Коломнѣ и потомъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи—подробное сказаніе оставилъ сынъ его, архидіаконъ Павелъ алеппскій въ книгѣ: „Путешествіе Макарія, антіох. патріарха“, напечатанной въ англійскомъ переводѣ въ Лондонѣ 1836 г., въ двухъ томахъ. Павелъ алеппскій, который вообще, кажется, нѣсколько преувеличиваетъ то уваженіе, какое оказывали въ Москвѣ его отцу, патр. Макарію, говоритъ, что онъ принятъ былъ царемъ даже съ большими почестями, чѣмъ принимались прежніе патріархи, и это доказываетъ особенно тѣмъ, что прежде на встрѣчу іерусалим. патріарху Паисію царь сошелъ съ трона только на третью ступень, а теперь прошелъ значительное пространство для встрѣчи патр. Макарія, и когда отпускалъ Паисія, то не шелъ съ нимъ и не велъ его подъ руки до дверей, какъ поступилъ съ Макаріемъ, и проч. (кн. VIII, отд. 3 въ т. I, стр. 373—386). Въ слѣдующемъ отдѣленіи той же книги Павелъ говоритъ о пріемѣ царемъ сербскаго патр. Гавріила, о представленіи обоихъ патріарховъ, Макарія и Гавріила, патр. Никону, и подробно описываетъ царскій обѣдъ, въ которомъ всѣ они участвовали (т. I, стр. 386—394). См. также Дворц. Разряды, III, 457—458.

лящимися, въ числѣ которыхъ находился и самъ царь. Когда литургія окончилась, вмѣстѣ съ обрядомъ православія, происходившимъ тотчасъ послѣ трисвятаго, патріархъ Никонъ, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на амвонъ, гдѣ уже приготовленъ былъ аналой. „Одинъ изъ діаконовъ,—какъ описываетъ очевидецъ событія, Павелъ алеппскій, словами котораго мы и воспользуемся, — открылъ предъ патріархомъ книгу бесѣдъ, изъ которой онъ и началъ читать бесѣду, соотвѣтствующую дню, о поклоненіи св. иконамъ. А прочитавъ ее всю отъ начала до конца, присоединилъ къ ней еще собственныя объясненія и увѣщанія очень обширныя: онъ говорилъ противъ новыхъ иконъ. Нѣкоторые московскіе живописцы, мало по малу, при писаніи иконъ, переняли манеру польскихъ и франкскихъ живописцевъ, и иконы, написанныя такимъ образомъ, назывались новыми. Никонъ, будучи великимъ ревнителемъ и до крайности любя греческіе обряды, послалъ своихъ людей, которые и позабрали иконы новаго письма отовсюду, гдѣ ихъ ни находили, даже изъ домовъ самихъ знатныхъ сановниковъ, и принесли къ патріарху. Это происходило въ прошлое лѣто (т. е. 1654 г.), въ отсутствіе царя, до появленія мороваго повѣтрія. Никонъ приказалъ своимъ служителямъ выколоть глаза у собранныхъ новыхъ иконъ и въ такомъ видѣ носить ихъ по городу и объявлять царскій указъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто впредь осмѣлится писать подобныя иконы. Москвитяне, весьма приверженные къ иконамъ, какъ бы онѣ ни были написаны..., увидя это, пришли въ сильное негодованіе и говорили, что патріархъ тяжко погрѣшилъ. Осыпая его бранью, они дѣлали сходбища, на которыхъ прямо называли его иконоборцемъ. Когда же, при такомъ настроеніи умовъ, обнаружилась моровая язва и случилось солнечное

затмѣніе, то всѣ стали говорить, что это наказаніе Господне за нечестіе патріарха, ругающагося надъ св. иконами. Озлобленіе на Никона было такъ велико, что покушались даже убить его... Теперь, когда царь находился уже въ Москвѣ и присутствовалъ въ церкви, патріархъ смѣло повелъ рѣчь противъ новыхъ иконъ и пространно доказывалъ, что писать иконы по франкскимъ образцамъ беззаконно. При этомъ, указывая на нѣкоторыя новыя иконы, вынесенныя къ аналою, ссылался на нашего владыку патріарха во свидѣтельство того, что иконы тѣ написаны не по греческимъ, а по франкскимъ образцамъ. Затѣмъ оба патріарха предали анаѳемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя въ домѣ франкскія иконы. Причемъ Никонъ бралъ одну за другою подносимыя ему новыя иконы и, каждую показывая народу, бросалъ на желѣзный полъ съ такою силою, что иконы разбивались, и, наконецъ, велѣлъ ихъ сжечь. Тогда царь, человѣкъ въ высшей степени набожный и богобоязненный, слушавшій въ смиренномъ молчаніи проповѣдь патріарха, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а лучше прикажи зарыть въ землю“. Такъ и было поступлено. Каждый разъ, когда Никонъ бралъ въ руки какую-либо изъ незаконныхъ иконъ, онъ приговаривалъ: эта икона взята изъ дому такого-то вельможи, сына такого-то (все людей знатныхъ). Онъ хотѣлъ пристыдить ихъ всенародно, чтобы и другіе не слѣдовали ихъ примѣру“. Можно судить, до какой степени должна была поразить присутствовавшихъ въ церкви проповѣдь Никона, сопровождавшаяся такими дѣйствіями и свидѣтельствомъ антіохійскаго патріарха. Но Никонъ этимъ не ограничился: вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ началъ проповѣдь еще противъ другаго новше-

ства, противъ двуперстнаго крестнаго знаменія. „Онъ говорилъ,—продолжаетъ Павелъ алеппскій,—съ такимъ же жаромъ, какъ прежде, о томъ, что москвитяне неправильно полагаютъ на себѣ знаменіе креста: крестясь, они складываютъ персты руки не такъ, какъ складываемъ мы, а какъ святители благословляютъ. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Никонъ опять сослался на нашего владыку: онъ-то и сказалъ Никону еще прежде, что не такъ слѣдуетъ креститься, какъ крестятся москвитяне. Владыка нашъ, призванный теперь Никономъ во свидѣтеля, обратившись къ народу, сказалъ черезъ переводчика: „въ Антіохіи, а не въ другомъ мѣстѣ, послѣдователи Христа начали, въ первый разъ, называться христіанами, и оттуда пошли всѣ церковные обряды. Но ни тамъ, ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на горѣ Синаѣ, ни на св. горѣ, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни у козаковъ, никто не крестится такъ, какъ вы, а всѣ согласно употребляютъ иное перстосложеніе“ [46]).

Прошло уже болѣе восьми мѣсяцевъ, какъ отправлено было Никономъ, съ Мануиломъ Грекомъ, посланіе къ цареградскому патріарху Паисію по вопросамъ церковнымъ; но отвѣта не было. Въ Москвѣ могли подумать, что или посланіе не доставлено по назначенію, при затруднительности тогдашнихъ сообщеній съ Константинополемъ, или самъ Паисій уже сверженъ съ каѳедры, при тогдашней постоянной смѣнѣ цареградскихъ патріарховъ. Какъ бы, впрочемъ, ни было, только Никонъ рѣшился, не дождавшись отвѣта изъ Царьграда, созвать въ Москвѣ новый соборъ. Объ этомъ соборѣ сохранилось два современныхъ,

---

[46]) *Павл. алеппск.* Путеш. Макарія, ант. патріарха, кн. IX, отд. 12, въ т. II, 48—51.

хотя и весьма краткихъ, сказанія. Первое принадлежитъ архидіакону Павлу алеппскому и драгоцѣнно потому особенно, что ясно обозначаетъ время, когда происходилъ соборъ. Соборъ происходилъ, по свидѣтельству Павла, впродолженіе пятой седмицы великаго поста (которая въ 1655 г. обнимала числа съ 25 по 31 марта). И это свидѣтельство тѣмъ несомнѣннѣе, что Павелъ велъ какъ бы дневникъ событій, болѣе или менѣе касавшихся его отца, патріарха Макарія, со времени прибытія его въ Москву, и описалъ въ своемъ сочиненіи какъ то, что случилось замѣчательнаго прежде этой пятой седмицы великаго поста, такъ и то, что совершилось послѣ. О самомъ соборѣ Павелъ передаетъ слѣдующее: „соборъ созванъ былъ по тому случаю, что нашъ владыка (Макарій) обратилъ вниманіе Никона на разныя новины и недостатки въ ихъ церковныхъ обрядахъ. Ибо русскіе а) совершаютъ литургію не на антиминсѣ, какъ мы, съ изображеніями и частицею св. мощей, а просто на кускѣ бѣлаго холста; б) изъ просфоры, назначенной для Агнца, вынимаютъ не девять частицъ, а только четыре; в) въ символѣ вѣры дѣлаютъ ошибочныя измѣненія; г) прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; е) не раздаютъ въ церкви антидора; ж) ошибочно творятъ знаменіе креста, слагая для того персты не такъ, какъ должно; з) ошибочно думаютъ о крещеніи Поляковъ, полагая, что ихъ нужно во второй разъ крестить (при обращеніи въ православіе). На этомъ же соборѣ были разсматриваемы и другіе недостатки въ (русскихъ) обрядахъ и церемоніяхъ. Патріархъ московскій вообще много слушался совѣтовъ нашего владыки, и въ настоящемъ случаѣ перевелъ съ греческаго языка на русскій служебникъ такъ хорошо и съ такими поясненіями, что, кажется, и дѣти могли понимать те-

перь смыслъ греческихъ обрядовъ. Этого перевода Никонъ напечаталъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ и разослалъ ихъ по всѣмъ церквамъ страны. Велѣлъ также напечатать болѣе 15.000 антиминсовъ съ свящ. изображеніями, и, вложивъ въ нихъ частицы св. мощей, разослалъ по всѣмъ церквамъ... Въ заключеніе отцы собора объявили, что вторичное крещеніе Поляковъ незаконно, опираясь на мнѣніе нашего владыки патріарха и на постановленія, заключающіяся въ евхологіѣ и номоканонѣ: такъ какъ Поляки вѣруютъ и крещаются во св. Троицу, и не на столько разнятся отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, наприм. Шведы, Англичане, Венгры и другія франкскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не покланяются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія и проч. Никонъ, любя все греческое, съ жаромъ принялся за такія исправленія и говорилъ на соборѣ присутствовавшимъ архіереямъ, настоятелямъ монастырей и пресвитерамъ: „я самъ русскій, и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія“. На это нѣкоторые изъ членовъ высшаго духовенства съ покорностію отвѣчали: „вѣра, дарованная намъ Христомъ, ея обряды и таинства, все это пришло къ намъ съ востока“. Но другіе,—такъ какъ во всякомъ народѣ бываютъ люди упрямые и непокорные,—молчали, скрывая свое неудовольствіе, и говорили въ самихъ себѣ: „не хотимъ дѣлать измѣненій ни въ нашихъ книгахъ, ни въ нашихъ обрядахъ и церемоніяхъ, принятыхъ нами изстари“. Только эти недовольные не имѣли смѣлости говорить открыто, зная, какъ трудно выдержать гнѣвъ патріарха, какъ поступилъ онъ съ епископомъ коломенскимъ, котораго сослалъ въ заточеніе. Согласившись съ мнѣніемъ собора о незаконности перекрещиванія Поляковъ, Никонъ тутъ же передалъ нашему владыкѣ патріарху шесть

священниковъ, приведенныхъ въ плѣнъ изъ Польши", какъ видно изъ описанія, уніатскихъ, которыхъ потомъ антіохійскій первосвятитель и присоединилъ всѣхъ къ православной церкви не чрезъ крещеніе, а чрезъ муропомазаніе [47]).

Другое современное сказаніе объ этомъ московскомъ соборѣ находится въ предисловіи къ Служебнику, напечатанному патріархомъ Никономъ. Здѣсь говорится, что на соборѣ присутствовали три патріарха, московскій Никонъ, антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ „съ митрополиты и архіепископы, со архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ". Ни о царѣ, ни о епископахъ не упомянуто: потому что царь не задолго до собора, 11-го марта, въ воскресенье второй седмицы великаго поста, уѣхалъ на войну; а епископъ единственной тогда у насъ епископіи—коломенскій Павелъ еще въ прошломъ году былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе, преемникъ же ему еще не былъ назначенъ [48]). Далѣе говорится, что на соборѣ занимались разсмотрѣніемъ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописныхъ книгъ, къ которымъ антіохійскій патріархъ Макарій присовокупилъ и свой служебникъ и другія книги,—и „обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славенскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славенскими древними, многая несогласія и погрѣшенія". Необходимо допустить, что хотя соборъ продолжался и цѣлую недѣлю, но такое сличеніе древнихъ книгъ съ новопечатными московскими сдѣлано было не на

---

[47]) *Павл. алеппск.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 10, въ т. II, 85—86.

[48]) Объ отъѣздѣ Государя на войну—Дворц. Разряд. III, 459 — 461. О низложеніи и заточеніи Павла коломенскаго см. выше примѣч. 24—27 и самый текстъ, къ которому они относятся.

самомъ соборѣ, а предварительно было подготовлено учеными справщиками Епифаніемъ Славеницкимъ, Арсеніемъ Грекомъ и другими, на соборѣ же было только прочитано или показано отцамъ и провѣрено ими. Наконецъ говорится, что соборъ, избравши изъ всѣхъ книгъ одну—Служебникъ и „во всемъ справя и согласну сотворя древнимъ греческимъ и славенскимъ", велѣлъ напечатать ее въ Москвѣ и вмѣстѣ узаконилъ: исправить, согласно съ древними греческими и славянскими книгами, и прочія богослужебныя книги, въ которыхъ обрѣтаются погрѣшности. Разумѣется, что и исправленіе Служебника было подготовлено прежде справщиками, а на соборѣ только разсмотрѣно, провѣрено и одобрено. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ изложенномъ нами сказаніи о соборѣ 1655 г. допущена хронологическая ошибка, именно говорится, будто соборъ происходилъ уже послѣ того, какъ царемъ и Никономъ получено было отвѣтное соборное посланіе отъ цареградскаго патріарха Паисія на посланные ему вопросы, и будто это посланіе было даже прочитано, при открытіи собора, вмѣстѣ съ уложеніемъ московскаго собора 1654 года. Этого не могло быть, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, означенное посланіе было доставлено въ Москву спустя болѣе мѣсяца по окончаніи разсматриваемаго нами собора. Вообще, составитель предисловія къ никоновскому служебнику, которое, вмѣстѣ съ служебникомъ, было напечатано уже по полученіи соборнаго посланія отъ патріарха Паисія, стараясь съ возможною краткостію изложить все начавшееся дѣло исправленія церковныхъ книгъ, мало заботился о хронологической точности, и не вездѣ соблюлъ порядокъ событій: говоритъ, наприм., будто царь и Никонъ, только получивъ и прочитавъ соборное посланіе или дѣяніе отъ патріарха Паисія, „изволиша" отправить

старца Арсенія Суханова на аѳонскую гору за греческими книгами, между тѣмъ какъ Арсеній посланъ былъ туда еще въ началѣ 1654 г., а въ началѣ 1655 г. уже возвратился въ Москву [49]).

---

[49]) Предисловіе къ Служебнику патр. Никона перепечатано сполна—въ Дополненіи къ описанію старопеч. книгъ Гр. Толстова и купца Царскаго, изд. Строевымъ, № 89. Есть и третье сказаніе о московскомъ соборѣ 1655 г., заимствованное будто бы изъ рукописной повѣсти 1668-го года, переходящей, въ копіяхъ, изъ рукъ въ руки между глаголемыми старообрядцами. Оно помѣщено въ книжицѣ, составленной Павломъ Бѣлокриницкимъ и напечатанной, безъ означенія мѣста и времени печатанія, подъ заглавіемъ: „III часть, церковной исторіи". Здѣсь говорится, во-первыхъ, будто Никонъ обращался съ своими вопросами ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, подкупилъ ихъ, нищенствующихъ, богатыми дарами, чтобы склонить на свои новоизмышленныя преданія, и, получивъ отъ патріарховъ отвѣтныя граматы согласно своему желанію открылъ соборъ 1655 г., и на немъ въ первомъ же засѣданіи объявилъ эти отвѣтныя граматы патріарховъ (стр. 28—37). Но Никонъ—а) вовсе не обращался съ своими вопросами ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, а обратился только къ одному патріарху цареградскому Паисію съ его соборомъ,—и б) открылъ въ Москвѣ соборъ 1655 года прежде, нежели получилъ отвѣтную грамату отъ Паисія. Говорится, во-вторыхъ, будто на этомъ соборѣ епископъ Павелъ коломенскій цѣлыхъ два засѣданія состязался съ Никономъ и защищалъ противъ него непричастность Пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, стоглавый соборъ, сугубую аллилуію, трисоставный крестъ, имя Іисусъ, седмипросфоріе, двуперстіе для крестнаго знаменія и проч., — при чемъ излагаются самыя рѣчи Павла (стран. 37—91). Но—а) Павелъ коломенскій вовсе не присутствовалъ и не могъ присутствовать на соборѣ 1655 года, потому что, какъ мы видѣли, еще въ 1654 году былъ лишенъ сана и сосланъ въ заточеніе; б) Никонъ вовсе не возбуждалъ вопросовъ ни о причастности Пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, ни о стоглавомъ соборѣ: по крайней мѣрѣ, объ этомъ ни откуда неизвѣстно; в) тѣ длинныя рѣчи противъ Никона, которыя будто бы говорилъ на соборѣ Павелъ, судя по складу ихъ и особенно по языку, не могли ему принадлежать, но свойственны только грамотѣю нынѣшняго времени, въ чемъ легко убѣдиться изъ чтенія этихъ рѣчей; а если бы дѣйствительно Павломъ были произнесены такія длинныя и искусственныя рѣчи, ихъ бы никто изъ слышавшихъ не могъ запомнить въ точности, чтобы потомъ записать на бумагѣ. Говорится, въ третьихъ, будто Павла коломенскаго поддерживалъ на соборѣ, между прочимъ, Александръ епископъ вятскій (стр. 49. 67). Но—а) вятской епархіи тогда еще не существовало: она открыта только въ октябрѣ 1656 года, какъ видно изъ подлиннаго документа (Матер. для истор. раскола, I, 8—14); б) Александръ не былъ еще тогда епископомъ: онъ рукоположенъ во епископа коломенскаго, спустя два мѣсяца послѣ этого

Къ 1-му мая 1655 года пріѣхалъ въ Путивль Грекъ Мануилъ Константиновъ, тотъ самый, съ которымъ въ прошломъ году послана была изъ Москвы грамата къ цареградскому патріарху Паисію по церковнымъ вопросамъ. Изъ Путивля Мануилъ поспѣшилъ въ Смоленскъ, чтобы представиться находившемуся тамъ государю, а оттуда прибылъ въ Москву, и 15-го мая въ посольскомъ приказѣ показалъ: послалъ его, Мануила, къ государю царю Алексѣю Михайловичу и къ святѣйшему патріарху Никону цареградскій патріархъ Паисій „съ граматами и *соборною книгою* и о надобныхъ государевыхъ дѣлѣхъ съ изустнымъ приказомъ". Выѣхалъ онъ изъ Царяграда въ 27 день минувшаго декабря (т. е. 1654 г.), и хотя патріархъ велѣлъ ему ѣхать на спѣхъ, но „за воинскими людьми ему поспѣшить было не мочно", и проч. Грамата Паисія къ царю, которую привезъ Мануилъ, писана была 20 декабря 1654 года. Въ ней, послѣ обычныхъ привѣтствій, Паисій сначала извѣщалъ царя, что „получилъ грамату отъ святѣйшаго Никона и отъ священнаго собора каѳолическія церкви съ вопросами о томъ, что потребно для православныхъ христіанъ". Затѣмъ просилъ у царя извиненія, что „о церковныхъ потребахъ, о которыхъ писалъ святѣйшій Никонъ, позамѣшкалъ: вскорѣ учинить то было невозможно одному, безъ священнаго собора, а архіереи, по дальности разстояній, скоро прійдти не могли". Наконецъ говорилъ: „какъ только свящ. соборъ къ намъ сощелся, мы то святое дѣло о церковныхъ потребахъ разсудили и совершили, и теперь посылаемъ того же Мануила къ

собора, 3-го іюня 1655 года, по свидѣтельству очевидца (*Павла алеппск.* Путешест. Макарія, кн. XI, отд. 6, въ т. II, 130). Вотъ такими-то исторіями-баснями обманываютъ неграмотный или малограмотный народъ, чтобы возбуждать въ немъ ненависть къ патріарху Никону и начатому имъ дѣлу исправленія церковныхъ книгъ.

вамъ „съ вашими царскими и святительскими потребами“ [50]). Изъ этихъ подлинныхъ и несомнѣнныхъ документовъ очевидно, что ответное посланіе патріарха Паисія, или точнѣе—соборное дѣяніе, соборная книга, было получено въ Москвѣ только 15 мая 1655 г., слѣд. спустя полтора мѣсяца послѣ московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта. Впрочемъ, хотя посланіе Паисія получено въ Москвѣ и послѣ означеннаго собора, оно отъ того нисколько не потеряло своей силы и значенія. Оно послужило, съ одной стороны, новымъ подкрѣпленіемъ и оправданіемъ рѣшеній этого собора, а съ другой—новою опорою и побужденіемъ для Никона къ ревностному продолженію начатаго имъ дѣла. И потому заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Посланіе свое цареградскій патріархъ Паисій, послѣ братскаго привѣтствія патріарху Никону, началъ слѣдующими словами: „Мы много благодарили и каждый день благодаримъ Бога послѣ того, какъ получили граматы твоего преблаженства чрезъ возлюбленнаго сына нашего Мануила. Изъ нихъ мы узнали твое величайшее благоговѣніе къ Богу и пламенную ревность, какую имѣешь ты относительно предметовъ нашей православной вѣры и чиновъ нашей церкви. И это соединяешь ты,—какъ свидѣтельствуетъ общая молитва приходящихъ изъ вашей страны,—съ крайнею разсудительностію и благоразуміемъ, съ безупречнымъ смиренномудріемъ и всякими другими благими дѣйствіями, какія украшаютъ истиннаго пастыря овецъ Христовыхъ. Да будетъ препрославлено во вѣки имя

---

[50]) Моск. главн. архив. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч., Связк. 33, № 14. Въ концѣ этого дѣла упоминается, что когда царь, отпуская въ концѣ августа Мануила Грека, послалъ съ нимъ патріарху Паисію соболями на 300 руб. и царица—такъ же на 300 руб., то и отъ Никона къ Паисію была какая-то посылка и грамата.

Господа нашего Іисуса Христа, что Онъ изъ рода въ родъ воздвигаетъ людей достойныхъ служить назиданію Его церкви и благоустроенію Его стада. Да соблюдетъ тебя благодать Его на многія лѣта, да пасешь овецъ твоихъ какъ началъ, до конца, и да представишь стадо твое непорочнымъ пастыреначальнику Іисусу. Такимъ мы признаемъ тебя, и съ радостію отвѣчаемъ на твои вопросы, по благодати, какую благоволитъ подать намъ Духъ Святый, Котораго призываемъ всегда на всякое наше начинаніе. Но только молю твое преблаженство, что, если какой либо отвѣтъ нашъ покажется вамъ въ началѣ несогласующимся съ вашими обычаями, то не смущайтесь, а напишите къ намъ снова, чтобы узнать нашу мысль, да будемъ всегда соединены, какъ во единой вѣрѣ и во единомъ крещеніи, такъ и во единомъ исповѣданіи, говоря всегда одно и тоже едиными устами и единымъ сердцемъ и не разнясь между собою ни въ чемъ... Вижу изъ граматъ твоего преблаженства, что ты сильно жалуешься на несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, замѣчаемое въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли разные обряды нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ опасеніе: ибо мы имѣемъ повелѣніе апостола бѣгать только еретиковъ, по первомъ и второмъ наказаніи, какъ развращенныхъ (Тит. 3, 11), равно и раздорниковъ, которые, хотя кажутся согласующимися съ православными въ главныхъ догматахъ, имѣютъ однакожъ свои особенныя ученія, чуждыя общему вѣрованію церкви. Но если случится какой-либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ уставахъ, не необходимыхъ и несущественныхъ въ вѣрѣ, т. е. касающихся не главныхъ членовъ вѣры, а вещей маловажныхъ, каковы: время служенія литургіи,

или какими перстами долженъ благословлять священникъ и под., то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія между вѣрующими, лишь-бы только непреложно сохранялась одна и та же вѣра. Церковь наша не отъ начала приняла весь тотъ уставъ чинопослѣдованій, какой содержитъ нынѣ, а мало по малу. Прежде, какъ говоритъ св. Епифаній кипрскій, читали въ церкви одиннадцать псалмовъ, а потомъ больше, и имѣли разные степени постовъ и мясояденій... И прежде святыхъ Дамаскина, Космы (маюмскаго) и иныхъ пѣснотворцевъ мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ. Но такъ какъ во всѣхъ церквахъ непреложно сохранялась одна и та же вѣра, то эта разность въ чинахъ не считалась тогда чѣмъ либо еретическимъ или раздорническимъ. Посему и нынѣ не должно думать, будто извращается наша вѣра православная, если кто либо творитъ послѣдованіе, не много отличное отъ другаго — въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся догматовъ вѣры; только бы въ нужномъ и существенномъ оно было согласно съ соборною церковію“ (Высказавъ такимъ образомъ свои общія мысли, какъ смотрѣть на разности въ церковныхъ чинахъ, и) указавъ затѣмъ на книгу „Православное Исповѣданіе“, изъ которой можно узнавать, какіе суть нужные и существенные члены нашей вѣры, патріархъ Паисій перешелъ къ изложенію самыхъ отвѣтовъ на присланные ему изъ Москвы вопросы. (Не будемъ разбирать всѣхъ этихъ отвѣтовъ, а остановимся только на тѣхъ) изъ нихъ, которые, по тому времени, были наиболѣе важными. Въ первомъ и самомъ обширномъ отвѣтѣ Паисій изъяснилъ кратко не только составъ, но и таинственное знаменованіе того чина божественной литургіи, какой содержался тогда на всемъ востокѣ, и, въ заключеніе, присовокупилъ: „вотъ чинъ, который содер-

жимъ мы въ нашей литургіи, и который, надѣемся, держите и вы. Или, если въ чемъ-либо разнствуете, то согласуйтесь съ нами и вы по этому законоположенію, которое мы неизмѣнно хранимъ, какъ преданное отъ начала, да едиными усты и единымъ сердцемъ прославимъ, обои, единаго Бога и Отца и Единороднаго Сына Его Господа нашего Іисуса Христа съ Пресвятымъ Духомъ". Эту же самую мысль, только нѣсколько подробнѣе, повторилъ цареградскій первосвятитель и въ седьмомъ отвѣтѣ нашему патріарху: „вы пишете о распряхъ, происходящихъ у васъ относительно чина божественнаго тайнодѣйствія. Молимъ именемъ Господа нашего І. Христа, да укротитъ ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ: ибо *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тимоѳ. 2, 24), особенно въ вещахъ, которыя несущественны въ вѣрѣ и не суть догматы. Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, о которомъ мы пишемъ къ вамъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ, по преданію, изначала безъ малѣйшей перемѣны... Какъ древнія наши книги, содержащія литургію Златоустову и Василіеву и обрѣтающіяся въ различныхъ книгохранилищахъ, такъ и новыя не разнствуютъ между собою ни въ чемъ. Но если ваши не согласны съ нашими въ вещахъ нужныхъ, а не въ тѣхъ, которыя уставъ оставляетъ на волѣ настоятеля: пишите къ намъ, и разсудимъ о томъ соборнѣ". Въ слѣдующихъ двухъ отвѣтахъ, осмомъ и девятомъ, Пансій писалъ: „о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами ни касательно книгъ и литургіи, ни касательно крестнаго знаменія, и отвергаютъ наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божія, и что будто-бы на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ

другіе іереи... отвѣчаемъ: все это суть признаки ереси и раскола. и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Итакъ, или пусть пріимутъ нелицемѣрно все, что держитъ и догматствуетъ наша православная церковь, или, если, по первомъ и второмъ наказаніи, не исправятся, то отвергните и отлучите ихъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ ихъ смертоноснымъ кормомъ, и вы будете имѣть и насъ и весь нашъ соборъ согласными на то. Ибо на какомъ соборѣ и у какого древняго отца они обрѣли, будто молитвы нашей церкви совершаются по человѣкоугодію, будто онѣ недостаточны и неудовлетворительны, почему и требуютъ ихъ дополненія? Блюдитесь крѣпко отъ такихъ волковъ: подъ образомъ исправленія, желая, по видимому, исправить недостатки церковные, они ищутъ привнести въ нее свои ядовитые плевелы..., приносятъ къ намъ новины свои и апокрифическія свои молитвы, въ качествѣ исправленій. Потому они должны быть отсѣчены отъ церкви, какъ гнилые и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаянными; таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ подозрѣніе на молитвы нашихъ святыхъ и пытаются ввести новые порядки, которымъ мы никогда не учились отъ отцевъ, предавшихъ намъ вѣру". На вопросъ (24) о томъ, какими перстами должно христіанину изображать на себѣ крестъ, Паисій отвѣчалъ: „всѣ мы имѣемъ древній обычай, по преданію, креститься тремя первыми перстами, сложенными вмѣстѣ, во образъ св. Троицы, просвѣщеніемъ Которой открыта намъ тайна воплощенія, и мы научены славить единаго Бога въ трехъ лицахъ, Отца и Сына и Святаго Духа и да распинаемся на крестѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ, Сыномъ Божіимъ, сошедшимъ съ небесъ и вочеловѣчившимся, и постра-

давшимъ плотію ради нашего спасенія. Представляется это благословнымъ, потому что совокупленіемъ трехъ перстовъ мы воспоминаемъ таинство св. Троицы, и когда изображаемъ на себѣ крестъ Господа, то воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ими и ради ихъ призываемъ отъ Бога помощь". На вопросъ (25), какими перстами архіерею и іерею преподавать благословеніе христіанамъ, отвѣчалъ: „такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму, да *благословятся вси языцы земстіи о сѣмени его*, которое есть Іисусъ Христосъ, то церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессіи: *Іс. Хс.* Какими бы перстами кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священнической. Но пристойнѣе слагать персты въ томъ видѣ, въ какомъ живописуютъ самого Христа, т. е. слагать второй и третій персты такъ, чтобы они образовали собою *Іс.*, а первый, четвертый и пятый—такъ, что они представляли *Хс*". На вопросъ (26-й) о поклонахъ при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина былъ отвѣтъ: „уставъ о поклонахъ, который вы держите, тотъ же самый, который держимъ и мы; разнствуемъ только въ томъ, что мы творимъ сперва три великіе поклона, потомъ двѣнадцать малыхъ, а наконецъ одинъ великій, и бываетъ всѣхъ поклоновъ шестнадцать, а не семнадцать, какъ у васъ". Посланіе, присланное патріархомъ Паисіемъ въ Москву, заключало въ себѣ рѣшеніе не его одного, а цѣлаго собора, и потому подъ посланіемъ подписались, вслѣдъ за патріархомъ, 24 митрополита, 1 архіепископъ, 3 епископа и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ, занимавшихъ главныя церковныя должности при патріархѣ, (въ томъ числѣ извѣстный своею ученостію

учитель великія церкви Мелетій Сиригъ, который, по порученію патріарха и собора, и составилъ это посланіе [51]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Паисій прислалъ нашему патріарху и свое частное письмо, въ которомъ, извѣщая о бывшемъ въ Константинополѣ соборѣ и посылаемыхъ въ Москву соборныхъ отвѣтахъ, просилъ передать эти отвѣты „всѣмъ священнымъ лицамъ, да совершаютъ послѣдованіе и всякое священнодѣйствіе по чину великой (т. е. патріаршей) церкви, да не имѣемъ ни единой разности, какъ истинныя чада одной и той же матери, восточной апостольской и соборной церкви“. Далѣе Паисій писалъ Никону: „здѣсь слышно, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть и еще нѣкоторыя вещи, несогласныя съ чиномъ великой церкви, и я удивляюсь, какъ ты не спрашиваешь и объ нихъ. И, прежде всего, въ самомъ символѣ св. отцевъ никейскихъ вы будто бы имѣете нѣкоторыя приложенія и слова, которыхъ мы не имѣемъ... Отъ многой любви къ Богу желаемъ, да исправятся всякія разности между нами“. Съ этою цѣлію Паисій прислалъ въ Москву и греческій символъ вѣры, буквально списанный съ того, какой составленъ былъ отцами перваго и втораго вселенскихъ соборовъ [52]).

Опредѣленіе московскаго собора, бывшаго въ мартѣ 1655 года, о напечатаніи служебника скоро было исполнено. Въ 31 день августа того-же года служебникъ былъ уже выпущенъ изъ московской типо-

---

[51]) Доселѣ это посланіе патр. Паисія и цареградскаго собора было извѣстно только въ славянскомъ переводѣ, напечатанномъ въ приложеніи къ Скрижали патр. Никона. Но недавно оно открыто въ подлинникѣ и напечатано, какъ въ греческомъ текстѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ (Христіан. чтен. 1881, 1, 303—353. 539—595). Отсюда желающіе могутъ подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этого важнаго памятника.

[52]) Это письмо Паисія къ Никону напечатано въ предисловіи къ служебнику, изд. Никономъ.

графіи, а чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ изданъ вторично. И такъ какъ это была первая новоисправленная книга, то справщики или издатели, конечно, съ соизволенія самого Никона, въ предисловіи къ ней изложили довольно подробную исторію, какъ началось и велось все дѣло о исправленіи нашихъ книгъ, изъ которыхъ первая теперь являлась въ свѣтъ. Но Никонъ желалъ дать православнымъ не только новоисправленный служебникъ или чинъ божественной литургіи, а затѣмъ и другія новоисправленныя книги, но желалъ вмѣстѣ дать и толкованіе на литургію и на прочія церковныя священнодѣйствія и обряды, чтобы православные могли лучше понимать таинственный смыслъ ихъ. Потому приказалъ перевесть съ греческаго книгу „Скрижаль“, которая, по просьбѣ его, еще въ 1653 г. прислана была ему отъ вселенскаго патріарха Паисія. Книга эта, составленная греческимъ іеромонахомъ Іоанномъ Наѳанаиломъ, переведена на славянскій языкъ однимъ изъ справщиковъ, именно старцемъ Арсеніемъ Грекомъ, и въ октябрѣ 1655 года была окончена печатаніемъ. При Скрижали Никонъ велѣлъ напечатать все посланіе къ нему вселенскаго патріарха Паисія съ отвѣтами константинопольскаго собора относительно нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ: это посланіе служило для Никона главною опорою и оправданіемъ, въ глазахъ всѣхъ православныхъ, въ начатомъ имъ дѣлѣ исправленія книгъ. Велѣлъ такъ же напечатать при той же Скрижали нѣсколько статей по двумъ вопросамъ, считавшимся наиболѣе важными: по вопросу о крестномъ знаменіи и по вопросу о символѣ вѣры. То были—а) слово монаха иподіакона Дамаскина Студита въ недѣлю крестопоклонную: здѣсь, между прочимъ, изложено ученіе о троеперстіи для крестнаго знаменія; б) слово неизвѣстнаго „о еже коими пер-

сты десныя руки изображати крестъ"; здѣсь въ первый разъ довольно подробно опровергается ученіе о двуперстіи, разбираются свидѣтельства Мелетія антіохійскаго, Ѳеодорита, Максима Грека, и предлагаются убѣжденія православнымъ оставить двуперстіе и креститься тремя перстами; это, можетъ быть, есть то самое слово, которое, какъ мы упоминали, произнесъ Никонъ въ недѣлю православія, въ успенскомъ соборѣ; в) Николая Малаксы, протоіерея навплійскаго, о сложеніи перстовъ для архіерейскаго и іерейскаго благословенія; г) Максима Грека о неизмѣняемости символа вѣры; д) монаха Зиновія отенскаго— противъ прибавки въ символѣ: „истиннаго"..., и вообще о неизмѣняемости символа; е) Нила Кавасилы и другихъ учителей о томъ же, съ прибавленіемъ убѣжденій къ православнымъ не допускать никакихъ измѣненій въ символѣ вѣры. Впрочемъ, напечатавъ книгу „Скрижаль", съ перечисленными нами приложеніями, еще въ октябрѣ 1655 года, Никонъ не дозволилъ выпускать ее въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ разсмотрѣна и одобрена соборомъ [53]).

Но созваніемъ собора патріархъ не спѣшилъ. На этомъ соборѣ онъ предполагалъ также произнести приговоръ противъ ученія о двуперстіи, которое упорнѣе всего отстаивали его противники, и потому хотѣлъ предварительно испытать, для вразумленія ихъ, еще нѣкоторыя, чрезвычайныя, мѣры. Въ 1656 году, 12 февраля, въ день памяти св. Мелетія антіохійскаго, а вмѣстѣ и святителя московскаго Алексія, въ чудовѣ монастырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патріархи съ другими архіереями и

---

[53] Время напечатанія Скрижали въ октябрѣ 1655 г. обозначено въ предисловіи къ этой книгѣ (стр. 18).

множество народа. Когда въ положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога, въ поученіе православнымъ, извѣстное сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, какъ онъ сначала показалъ народу три перста, и не бысть знаменія, затѣмъ сложилъ два перста и къ нимъ пригнулъ одинъ, и отъ руки его произошелъ огонь,—сказаніе, на которое обыкновенно опираются защитники двуперстія,—тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе. И Макарій возгласилъ: „мужіе всего православія, слышите: азъ, преемникъ и наслѣдникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій *три первыя* персты *разлучены* показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть; тыя же паки три *соедини*, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти. и тѣмъ образъ креста изображати, таковый арменоподражатель есть, арменове бо тако воображаютъ на себѣ крестъ“ [54]).

Достойно замѣчанія, что Греки первые начали называть у насъ двуперстіе армянскимъ обычаемъ, какъ мы видѣли и изъ преній старца Арсенія Суханова съ Греками о вѣрѣ; а уже вслѣдъ за Греками, которымъ Армяне ближе были извѣстны, чѣмъ намъ, такъ начали называть двуперстіе и православные русскіе. Прошло еще двѣнадцать дней; настала недѣля православія (24 февр.). Собрались въ успенскій соборъ на торжество всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, царь со всѣмъ своимъ синклитомъ и безчисленное множество народа. Въ то

---

[54]) Объ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ самъ Никонъ въ „Словѣ отвѣщательномъ“, напеч. въ началѣ его Скрижали (л. 10 об.—11 об.).

время, когда начался обрядъ православія, и церковь, ублажая своихъ вѣрныхъ чадъ, изрекала проклятіе сопротивнымъ, два патріарха, антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, и митрополитъ никейскій Григорій стали предъ царемъ и его синклитомъ, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и народомъ,—и Макарій, сложивъ три первые великіе перста во образъ Св. Троицы и показывая ихъ, воскликнулъ: „сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Ѳеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть“. То же проклятіе повторили, вслѣдъ за Макаріемъ, сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій [55]). Вотъ кѣмъ и когда изречена первая анаѳема на упорныхъ послѣдователей двуперстія. Она изречена не Никономъ, не русскими архіереями, а тремя іерархами—представителями востока. И можно представить, какъ должна была подѣйствовать эта анаѳема на православныхъ, произнесенная въ самое торжество православія. Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедеонъ отъ молдавскаго воеводы Стефана съ просьбою о принятіи молдавской земли подъ русскую державу, и въ Москвѣ, вмѣсто трехъ, было уже четыре восточныхъ святителя. Никонъ рѣшился обратиться ко всѣмъ имъ разомъ съ письменнымъ посланіемъ отъ лица своего и другихъ русскихъ архіереевъ, и, указывая на то, что въ Москвѣ „нѣціи воздвизаютъ прю“ относительно сложенія перстовъ для

---

55) И объ этомъ см. тамъ же (л. 11 об.—12 об.). Никейскій митрополитъ Григорій прибылъ въ Москву 27-го іюня 1655 г. (Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Греч., Связк. 33, № 24). Слѣд. могъ присутствовать въ Москов. Успенскомъ соборѣ при торжествѣ православія, только въ 1656, а не въ 1655 году.

крестнаго знаменія, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другіе двумя, умолялъ этихъ святителей возвѣстить, гдѣ истина и какъ слѣдуетъ креститься. Въ отвѣтномъ посланіи Никону, антіохійскій патріархъ Макарій написалъ: „преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ св. апостоловъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми перстами десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкве, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою". Вслѣдъ за антіохійскимъ патріархомъ тоже самое проклятіе повторилъ и подписалъ своею рукою сербскій патріархъ Гавріилъ, а за нимъ повторили, каждый особо, и подписали митрополиты, никейскій Григорій и молдавскій Гедеонъ. Это отвѣтное посланіе четырехъ святителей, вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ къ нимъ, Никонъ немедленно велѣлъ напечатать и помѣстить въ качествѣ приложенія къ книгѣ „Скрижаль" [56]).

Когда такимъ образомъ восточные іерархи, находившіеся въ Москвѣ, изрекли свой приговоръ на крестящихся двумя перстами, не только устно, въ недѣлю православія, но и письменно, Никонъ счелъ благовременнымъ созвать на соборъ своихъ русскихъ архіереевъ, чтобы и они постановили рѣшеніе по томуже вопросу. Соборъ состоялся 23 апрѣля 1656 года. Присутствовали на соборѣ, кромѣ патріарха, три митрополита: новгородскій Макарій, казанскій Корни-

[56]) Тамъ же л. 9 об.—10. Посланіе напечатано въ прилож. къ скрижали безъ означенія счета листовъ. О времени пріѣзда въ Москву молдавскаго митрополита Гедеона—въ Полн. Собр. законовъ, I, стр 384.

лій, ростовскій Іона; четыре архіепископа: вологодскій Маркеллъ, тверской Лаврентій, астраханскій Іосифъ, псковскій Макарій; одинъ епископъ—коломенскій Александръ; двадцать два архимандрита, семь игуменовъ, одинъ строитель и одинъ намѣстникъ. Никонъ открылъ засѣданія собора довольно обширною рѣчью. Сказавъ сначала, какъ зазирали и поносили его приходившіе въ Москву восточные святители, Аѳанасій константинопольскій, Паисій іерусалимскій, Гавріилъ назаретскій и другіе за разныя неисправности въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, въ томъ числѣ и за употребленіе двуперстія въ крестномъ знаменіи; какъ приступилъ онъ къ исправленію книгъ, собралъ множество древнихъ харатейныхъ рукописей, славянскихъ и греческихъ, Никонъ объявилъ, что, на основаніи ихъ, онъ уже исправилъ нѣкоторыя церковныя книги, а вмѣстѣ съ ними велѣлъ перевести и напечатать, съ нужными приложеніями, и книгу „Скрижаль“, представляемую имъ теперь на разсмотрѣніе собора. Въ особенности обратилъ Никонъ вниманіе отцевъ собора въ своей рѣчи на ученіе о двуперстіи, и говорилъ, что оно внесено въ наши книги „отъ Ѳеодоритова писанія невѣдѣніемъ“ и въ недавнее время: „прежде бо того вси треми первыми персты изображали во образъ Св. Троицы, якоже и нынѣ многихъ еще видѣти есть, елицы не вѣдаютъ Ѳеодоритова писанія, якоже въ простыхъ мужехъ и во всѣхъ женахъ, отъ древняго обычая держащихъ“; объяснялъ, что соединеніемъ, по Ѳеодоритову писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо исповѣдуется таинство Пресв. Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуется таинство воплощенія; напомнилъ, что отвѣчалъ цареградскій патріархъ Паисій съ своимъ соборомъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, какъ истолковалъ антіохійскій пат-

ріархъ Паисій въ церкви чудова монастыря сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, какъ изрекли въ недѣлю православія проклятіе на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и какъ тоже проклятіе повторили они, вмѣстѣ съ молдавскимъ митрополитомъ, въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, и предложилъ собору русскихъ святителей и духовенства сказать свое слово о томъ же предметѣ. Присутствовавшіе на соборѣ занялись сначала свидѣтельствованіемъ книги Скрижали, „соборнѣ чтоша ее во многи дни, съ великимъ прилежаніемъ всяку вещь и всяко слово со опаствомъ разсуждающе“, и обрѣли ее не только „безпорочну“, но и достойною всякой похвалы и удивленія, и много благодарили Бога за такое безцѣнное сокровище. Затѣмъ, обсудивъ то, что сказано о крестномъ знаменіи въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ Скрижали, въ посланіи цареградскаго патріарха Паисія, въ словѣ иподіакона Дамаскина и въ отвѣтномъ посланіи четырехъ восточныхъ іерарховъ, находившихся въ Москвѣ, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что до напечатанія псалтырей и другихъ книгъ, въ которыя внесено ученіе о двуперстіи, въ Россіи существовалъ древній обычай креститься тремя перстами, котораго многіе еще держались и тогда, во дни собора, соборъ постановилъ слѣдующее правило: „аще кто отселѣ, *вѣдый*, *неповинится* творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле св. восточная церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре вселенстіи патріарси, со всѣми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимися, имѣютъ, и якоже здѣ прежде православніи содержаша, до напечатанія слова Ѳеодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже тремя первыми великими персты дѳсныя руки изображати, во образъ святыя и единосущныя и нераздѣльныя и равно-

поклоняемыя Троицы, но имать творити сіе непріятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъже неравенство Св. Троицы извѣщается, и два великосредняя, простерта суща, въ нихъ же заключати два Сына и два состава, по Несторіевѣ ереси, или инако изображати крестъ: сего имамы. послѣдующе Св. Отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточныя церкве четыремъ вселенскимъ патріархомъ, всячески отлучена отъ церкве, вкупѣ и съ писаніемъ Ѳеодоритовымъ, яко и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная списанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, сущая по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы". Это правило свое, равно какъ и всю книгу „Скрижаль" съ приложеніями, всѣ, находившіеся на соборѣ, скрѣпили своими подписями, 2-го іюня 1656 года: такъ долго тянулся соборъ! А Никонъ напечаталъ и помѣстилъ сказаніе объ этомъ соборѣ, съ изложеніемъ своей рѣчи къ нему, въ самомъ началѣ той же Скрижали, подъ заглавіемъ: „Слово отвѣщательно"... и велѣлъ выпустить книгу изъ типографіи въ свѣтъ [57]). Такимъ образомъ еще въ 1656 году представители не только восточной православной, но и русской іерархіи изрекли уже проклятіе на *неповинующихся* церкви послѣдователей двуперстія въ крестномъ знаменіи и вообще на несоглашающихся креститься такъ, какъ издревле учила и учитъ св. церковь.

Въ томъ же году, 11 мая, въ воскресенье предъ Вознесеніемъ, былъ у насъ еще соборъ, въ крестовой палатѣ патріарха, по вопросу о перекрещиваніи латынянъ-поляковъ, находившемуся въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о совершавшемся тогда у насъ

---

[57]) Скрижаль, л. 1—21.

исправленіи и печатаніи церковныхъ книгъ. Извѣстно, что, по „соборному изложенію“ и „указу“ патріарха Филарета Никитича, у насъ перекрещивали всѣхъ латынянъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, и всѣхъ бѣлорусцевъ, даже православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, и что эти уложеніе и указъ внесены были, при патріархѣ Іоасафѣ, въ печатные требники: теперь, когда, въ числѣ другихъ книгъ, приступали къ пересмотру и требника, необходимо было рѣшить, оставить ли въ немъ эти статьи и при новомъ его изданіи, или опустить. Съ другой стороны, тогда только-что присоединилась къ московской державѣ Малороссія и присоединялась Бѣлоруссія, гдѣ всѣ жители, даже православные, крещены были чрезъ обливаніе; тогда приводили въ Москву множество плѣнныхъ поляковъ, изъ которыхъ иные изъявляли желаніе принять православіе, и постоянно возникалъ вопросъ, какъ же смотрѣть на всѣхъ этихъ обливанцевъ, справедливо ли крестить ихъ вновь. Потому-то еще на московскомъ соборѣ 1655 года занимались этимъ вопросомъ, и хотя отцы собора и самъ Никонъ согласились тогда съ мнѣніемъ патріарха Макарія, что Поляковъ перекрещивать не должно, но на дѣлѣ не исполняли своего рѣшенія [38]). Признано было нужнымъ заняться вновь обсужденіемъ этого предмета. На новый соборъ приглашены были всѣ русскіе архіереи; въ числѣ другихъ прибылъ и митрополитъ казанскій. Антіохійскій патріархъ Макарій и теперь на-

---

[38]) А. Э. IV, № 332. Въ концѣ Генваря 1656 года, изъ числа плѣнныхъ поляковъ вторично крещенъ былъ въ Москвѣ, съ соизволенія самого патр. Никона, великій гетманъ Павелъ Потоцкій; „воспріемникомъ его при крещеніи былъ тесть государя, и тогда его величество отдалъ Потоцкому въ управленіе всѣ его земли, оставивъ у себя въ залогъ его вѣрности только нѣсколько членовъ его семейства“. (*Павла алеппск.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 11. 14, въ т. II, 237. 255).

стаивалъ, что латынянъ не слѣдуетъ крестить вторично, при обращеніи ихъ въ православіе, и имѣлъ жаркій споръ съ русскими іерархами. Онъ старался убѣдить ихъ ссылкою на ихъ собственныя книги закона и, кромѣ того, въ подтвержденіе своей мысли, представилъ выписку изъ какой-то древней греческой книги, принесенной съ Леона, представлявшую подробное изложеніе предмета, и тѣмъ заставилъ русскихъ архіереевъ невольно подчиниться истинѣ. Выписка эта, скрѣпленная подписью патріарха Макарія, была подана государю, переведена на русскій языкъ, напечатана и роздана по рукамъ, а государь издалъ указъ, которымъ запрещалось крещеніе поляковъ и другихъ послѣдователей той же вѣры. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, Макарій, вскорѣ уѣхавшій изъ Москвы, прислалъ еще письмо къ Никону о томъ же предметѣ изъ Терговищъ (отъ 25 дек. 1656 г.). Онъ писалъ, что какъ только достигъ Угровлахіи, то и тамъ всячески старался найдти что-либо для рѣшенія занимавшаго его вопроса, и что угровлахійскій митрополитъ Стефанъ указалъ ему, Макарію, какой-то древній греческій и славянскій номоканонъ, совершенно разъяснившій ему истину. Калвинистовъ и лютеранъ должно перекрещивать: потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинство, евангельское преданіе отвергаютъ, и крещеніе ихъ неправильно и не священно. А латынянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ седмь таинствъ и всѣ седмь вселенскихъ соборовъ, покланяются св. мощамъ и иконамъ и всѣ они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, съ призываніемъ Св. Троицы. Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ и противорѣчить символу вѣры, гдѣ сказано: „исповѣдую едино крещеніе“. Мы признаемъ ихъ свя-

щенство, и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ при обращеніи ихъ въ православіе: такъ же должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики; а схизма не творитъ человѣка невѣрнымъ и некрещеннымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ ефесскій, сопротивникъ латынянъ, никогда не требовалъ перекрещеванія ихъ и признавалъ крещеніе ихъ правильнымъ и проч. [59]).

Между тѣмъ, послѣ изданія первой новоисправленной книги—Служебника, продолжалось исправленіе и печатаніе и другихъ церковныхъ книгъ. Въ мартѣ 1656 года вышла изъ типографіи Тріодь постная, и въ послѣсловіи книги справщики свидѣтельствовали, что исправляли ее, по благословенію патріарха Никона и всего освященнаго собора, „съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ, отъ себе же ничтоже совнесоша“. Въ маѣ того же года напечатанъ Ирмологій, вновь переведенный съ греческаго, и переводчики, прося себѣ прощенія въ недостаткахъ, какіе замѣчены будутъ въ этой книгѣ, говорили въ свое оправданіе: „многія и иныя книги, яже исправляхомъ, во время дѣланія ея, не мало препяша насъ добрѣ исправити ю“,—значитъ, работа по исправленію книгъ велась тогда въ большихъ размѣрахъ. Въ томъ же году выпущенъ былъ изъ печати новоисправленный Часословъ, и приготовленъ былъ къ печатанію Требникъ, другая важнѣйшая богослужебная книга послѣ Служебника. По важности ея, она была пересмотрѣна на соборѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1656 года, и въ соборномъ актѣ сказано: „пе-

---

[59]) *Павла алепп.* Путешеств. Макарія, кн. XIV, отд. 8, въ т. II, 296—297. Подлинное письмо, на славянскомъ языкѣ, патр. Макарія къ Никону изъ Терговищъ находится въ Москов. Синод. библ., по каталогу рукописей 1823 г., за № 3.

реведше отъ греческихъ древле-писанныхъ книгъ на хартіяхъ сн. книгу Требникъ, прочтохомъ ю на соборѣ со всякимъ прилѣжнымъ вниманіемъ и судивше ю издати во типографію, елицы чины и дѣянія разумѣхомъ правы быти. Егда же сія книга Потребникъ, Божіею благодатію и нынѣшнимъ нашимъ соборнымъ дѣяніемъ исправленная, изъ печати издана будетъ, да не ктому кто начнетъ, развѣ сея исправленныя книги, дѣйствовати церковныхъ таинствъ". Въ 1657 г. напечатаны: Псалтырь слѣдованная, послѣ „прилѣжнаго исправленія съ греческихъ книгъ"; Евангеліе напрестольное и Апостолъ, и вновь изданъ Ирмологій. Въ 1658 г. напечатанъ, наконецъ, исправленный и разсмотрѣнный на соборѣ Требникъ и вновь изданы исправленные: Служебникъ и слѣдованная Псалтырь [60]).

Вмѣстѣ съ исправленіемъ церковныхъ книгъ Никонъ старался исправлять и церковные обряды и обычаи и согласовать ихъ съ обрядами и обычаями церкви греческой: съ этою цѣлію онъ весьма часто приглашалъ антіохійскаго патріарха Макарія служить съ собою, внимательно присматривался къ его службѣ, замѣчалъ ея особенности, разспрашивалъ о каждой особенности и просилъ его: „когда вы что-либо замѣтите неправильное въ нашихъ обрядахъ, говорите намъ, чтобы мы могли соображаться съ вами въ правильномъ совершеніи ихъ." И, по указаніямъ Макарія, Никонъ дѣйствительно исправилъ нѣкоторые обряды: напримѣръ, ввелъ или возстановилъ въ русской

---

60) Дополн. къ описс. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, №№ 91, 92, 94; Хронологич. Указатель славяно-русск. книгъ церковной печати, №№ 712, 722, 723, 725, 737, 738—740; Описан. старопеч. книгъ гр. Толстова, № 121; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., III, 1, № 379. Соборное постановленіе о печатаніи новоисправленнаго Требника—въ Матер. для истор. русск. раскола, , 13—14.

церкви обычай раздаянія антидора за каждою литургіей; призналъ справедливымъ, при обрядѣ освященія елея въ великій четвергъ вливать въ елей вино, примѣнительно къ евангельскому сказанію о милосердомъ самарянинѣ, возлившемъ на раны больнаго масло и вино, и проч. [61]). Но еще болѣе, чѣмъ указаніямъ Макарія, Никонъ давалъ вѣру древнимъ греческимъ книгамъ. Въ одной изъ такихъ книгъ, привезенныхъ съ св. горы аѳонской, онъ нашелъ свидѣтельство будто бы Еводія, патріарха константинопольскаго, что освященіе воды на праздникъ Крещенія Господня должно совершать только однажды, и именно въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ. И, несмотря на то, что дотолѣ и у насъ и на востокѣ было въ обычаѣ совершать водоосвященіе дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и въ самый день крещенія на рѣкѣ, а также, несмотря на всѣ убѣжденія Макарія, не отступать отъ этого обычая, Никонъ рѣшился отступить. Онъ созвалъ 16 декабря 1655 г., съ соизволенія государя, небольшой соборъ, на которомъ присутствовали два митрополита—ростовскій Іона и крутицкій Питиримъ, одинъ архіепископъ—тверскій Лаврентій и одинъ епископъ—коломенскій Александръ и девятнадцать архимандритовъ, игуменовъ и московскихъ протопоповъ. На соборѣ было постановлено: „по древнему преданію св. восточной церкви въ навечеріи Богоявленія Господня, по совершеніи божественной литургіи, исходить ко крестильницѣ (на рѣки или источники) и тамъ совершать водоосвященіе по чину, а въ самый день Богоявленія къ крестильницѣ не исходить и водоосвященія не совершать,—ибо едино крещеніе, по апостолу, а

---

[61]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 12; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 94. 290.

не два, да и древній чинъ восточной церкви такъ повелѣваетъ. Если же кто этого древняго преданія церкви не послушаетъ, да будетъ повиненъ церковной казни, т. е. проклятію и отлученію". Соборное постановленіе Никонъ разослалъ тотчасъ же по всѣмъ епархіямъ для надлежащаго руководства. Равно и самъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ и въ присутствіи государя, совершилъ водоосвященіе только въ навечеріи Крещенія въ наступившемъ 1656 году [62]). Впослѣдствіи соборъ 1667 года отмѣнилъ это рѣшеніе патріарха Никона. Очень любопытенъ разсказъ Павла алеппскаго о томъ, какъ перемѣнилъ Никонъ русскій монашескій клобукъ (точнѣе—камилавку вмѣстѣ съ клобукомъ) на греческій. Послѣдній, по своей формѣ, очень нравился Никону, тогда какъ русскій очень не нравился. Но надѣть на себя греческій клобукъ Никонъ боялся, чтобы не подвергнуться нареканіямъ народа за отступленіе отъ древняго обычая. И что же придумалъ? Онъ велѣлъ приготовить себѣ греческіе камилавку и клобукъ, только бѣлый и съ изображеніемъ на немъ херувима, вышитаго золотомъ и жемчугами, и тайно перенесть въ ризницу успенскаго собора. Насталъ большой праздникъ въ честь святителя Петра (21 дек. 1655 г.), всегда совершавшійся въ Москвѣ съ особенною торжественностію. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершали всѣ три патріарха со множествомъ духовенства, въ присутствіи безчисленнаго народа и самого государя. Когда литургія окончилась, и патріархи, разоблачившись, вышли изъ олтаря, чтобы привѣтствовать государя, Макарій антіохійскій, предварительно

---

62) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 11; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 237, 290; А. Э. IV, № 333. Постановленіе этого небольшаго собора, за подписями лицъ, на немъ присутствовавшихъ, въ позднѣйшемъ спискѣ, есть въ нашей библіотекѣ.

упрошенный Никономъ и держа въ рукахъ приготовленный для послѣдняго новый клобукъ и камилавку, сказалъ государю: „насъ четыре патріарха въ православномъ мірѣ, и всѣ мы имѣемъ одинаковую одежду; съ нашего согласія и соизволенія сей братъ нашъ провозглашенъ патріархомъ московскимъ на мѣсто папы римскаго; особенность же папы состояла въ томъ, что онъ отличался отъ насъ своею бѣлою одеждою. Если твоёму величеству будетъ благоугодно, то я желалъ бы, чтобы и вашъ патріархъ, подобно намъ, надѣлъ на себя и носилъ эту камилавку и клобукъ, которые я изготовилъ для него". Царь отвѣчалъ: „добро, батюшка", и, принявъ отъ него камилавку и клобукъ, поцѣловалъ ихъ и велѣлъ Никону снять прежніе камилавку и клобукъ и надѣть новые. Никонъ былъ въ восхищеніи: потому что новый головный уборъ, какъ нельзя болѣе, пришелся къ лицу его и осанкѣ. Бывшіе при этомъ архіереи и прочее духовенство, равно и весь народъ, тотчасъ же начали роптать за такое отступленіе отъ стараго русскаго обычая; но роптали тихо, боясь гнѣва государева. А чрезъ нѣсколько времени и всѣ владыки, всѣ иноки пожелали также перемѣнить свои камилавки и клобуки на греческіе; многіе обращались съ просьбою къ самому патріарху Макарію снабдить ихъ такими клобуками. Скоро пришла вѣсть въ Москву, что въ Троице-сергіевскомъ монастырѣ всѣ монахи, числомъ до пяти сотъ, пожелали также перемѣнить, съ благословенія патріарха, прежніе камилавки и клобуки на новые греческіе. А когда патріархъ Макарій посѣтилъ Новгородъ (въ концѣ августа и началѣ сентября 1655 г.), то его просили о томъ же два архимандрита важнѣйшихъ новгородскихъ монастырей, хутынскаго и юрьевскаго, и Макарій разрѣшилъ и благо-

словилъ [63]). Такимъ-то образомъ русскіе, по своей привычкѣ къ извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ, естественно съ недовѣріемъ и ропотомъ встрѣчавшіе всякія перемѣны въ нихъ, производимыя Никономъ, мало по малу мирились съ послѣдними и принимали ихъ.

Мирились, но не всѣ. Мы видѣли, что еще въ 1653 году, едва Никонъ издалъ первую свою „память“ о поклонахъ, какъ на него возстали четыре протопопа, считавшіеся прежде его друзьями, а потомъ сдѣлавшіеся его врагами, когда онъ взошелъ на патріаршую каѳедру и будто бы возгордился предъ ними; видѣли, какъ рѣзко высказывали они Никону свои укоризны и сопротивленіе и какъ строго онъ наказалъ ихъ. Главнѣйшій изъ этихъ протопоповъ, Иванъ Нероновъ, сосланъ былъ (4 авг. 1653 г.) на кубенское озеро въ Спасо-каменскій монастырь подъ строгое начало на черныя службы. А между тѣмъ принятъ былъ въ монастырѣ настоятелемъ, архимандритомъ Александромъ, съ знаками особеннаго почета. Настоятель далъ ему не только келью, но и слугу, велѣлъ носить ему въ келью изъ монастырской кухни лучшую пищу, а въ церкви ставилъ его выше даже

---

[63]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 8, въ т. II, 227—229. Въ рукописи московской синодальной библіотеки, № 93, съ самаго начала помѣщена „книга записная облаченіемъ и дѣйству великаго государя, святѣйшаго Никона, архіепископа царствующаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патріарха“. Въ книгѣ кратко записаны выходы и служенія Никона съ 10 декабря 1655 года, съ перерывами, до недѣли православія 1658 года (л. 1—129). Здѣсь, при описаніи патріаршаго служенія литургіи въ 21 день декабря 1655 года, въ успенскомъ соборѣ, сказано только, что, по отпустѣ, разоблачась „антіохійскій патр. Макарей поднесъ государю святѣйшему патріарху (Никону) клобукъ бѣлый греческаго переводу, а сербскій патріархъ Гавріилъ поднесъ ему шапочку греческую (камилавку)“, и что Никонъ, возвратившись изъ собора въ свою крестовую палату, въ сопровожденіи своей свиты, „пожаловалъ своего архидіакона и іеродіакона греческими клобуками и камилавками“ (л. 4 об.—6).

келаря. Нероновъ скоро началъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, указывать настоятелю, что читать за церковными службами, укорять его за безчиніе въ церкви, за поѣздки его изъ обители, за то, что онъ кормилъ рыбою монаховъ въ посты, а монаховъ укорять за ихъ пьянство и небрежность въ богослуженіи. Эти укоризны на страстной седмицѣ до того усилились, что архимандритъ въ великій пятокъ, по окончаніи службы, вышелъ изъ олтаря съ попами и дьяконами и сталъ кричать: „доколѣ намъ терпѣть отъ протопопа Іоанна? Онъ противится церкви“. И запретили ему ходить въ церковь, прогнали отъ него всѣхъ слугъ и оставили его одного въ кельи. Но не столько эти, сколько другія дѣйствія Неронова въ каменскомъ монастырѣ должны были огорчать патріарха Никона, къ которому послалъ теперь настоятель монастыря донесеніе о Нероновѣ. Нероновъ, проживая на кубенскомъ озерѣ, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ не очень далекомъ разстояніи отъ Москвы, удобно пересылалъ въ Москву свои письма къ царю, царицѣ, царскому духовнику Вонифатьеву, и другимъ близкимъ своимъ знакомымъ, и въ этихъ письмахъ постоянно хулилъ Никона, какъ врага Божія, и возставалъ противъ начатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ. Къ Неронову, въ каменскомъ монастырѣ, удобно пріѣзжали „отъ всѣхъ четырехъ странъ боголюбцы, многихъ градовъ люди и дворяне, посѣщенія ради“, и, безъ сомнѣнія, слышали отъ него такія же хульныя рѣчи противъ патріарха. Нашелъ возможность посѣтить здѣсь Неронова и одинъ изъ ближайшихъ его единомышленниковъ, протопопъ Логгинъ, хотя былъ сосланъ въ муромскіе предѣлы подъ строгій надзоръ своего отца [64]). Пришелъ сюда къ

[64]) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 106, 112—118. Нѣ-

Неронову и остался при немъ, въ качествѣ ученика и писца, игуменъ московскаго златоустова монастыря Ѳеоктистъ, который первый изъ монашествующаго духовенства присталъ къ четыремъ протопопамъ, врагамъ Никона. Послѣ этого не удивительно, если Никонъ, получивъ отъ настоятеля каменскаго монастыря донесеніе о Нероновѣ, далъ указъ (1 іюля 1654 г.) сослать Неронова на отдаленный сѣверъ въ кандалакшскій монастырь и тамъ держать его на цѣпи, въ желѣзахъ, и чернилъ ему не давать. Отправившись въ путь, Нероновъ остановился на время въ Вологдѣ, и отправилъ отсюда (13 іюля) два посланія: одно къ царскому духовнику, котораго извѣщалъ, что „грядетъ на мученія, въ дальнія страны заточаемъ"; другое, окружное, ко всей „братіи, боголюбцамъ царствующаго града Москвы и прочихъ градовъ и всѣхъ купно странъ", убѣждая своихъ духовныхъ друзей,

---

которые изъ жителей Мурома, послѣ того, какъ протопопъ Логгинъ былъ осужденъ и удаленъ отъ нихъ, подали о немъ просьбу архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу, въ которой, какъ обыкновенно бываетъ, всячески восхваляли того, о комъ просили, и порицали своихъ противниковъ, способствовавшихъ его осужденію. И именно говорили, что Логгинъ, мужъ учительный „по вся дни и нощи и часы", проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ"; что эти-то злые люди, не терпя его обличеній, возстали на пастыря своего и сдѣлали на него доносъ (извѣстный уже намъ), а соборный попъ Иванъ Сергѣевъ, желая быть протопопомъ на мѣстѣ Логгина, „выманивъ у сторонніхъ людей писаніе, ему протопопу Логгину на укоризну", приложилъ писаніе это къ доносу, и что, по удаленіи Логгина изъ Мурома, въ городѣ открылись безпорядки: „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе", и церковные мятежники возстали на преслѣдователей благочестія, такъ что многимъ приходится бѣжать. Вслѣдствіе всего этого и просили возвратить въ Муромъ протопопа Логгина (Напечат. въ „Историч. описаніи рязанской іерархіи", стр. 97—112, изд. 1820 г.). Но эта просьба, конечно, осталась безъ удовлетворенія: протопопъ Логгинъ былъ судимъ, и осужденъ на соборѣ самимъ патр. Никономъ, и мѣстный епархіальный архіерей не могъ измѣнить такого рѣшенія.

чтобы они не скорбѣли о немъ, а радовались, чтобы *облеклись во вся оружія Божія противу кознемъ діавольскимъ*, и блюли себя отъ злыхъ дѣлателей. Кромѣ того, находясь въ Вологдѣ и посѣтивъ софійскій соборъ, Нероновъ позволилъ себѣ, по окончаніи литургіи, произнесть здѣсь всенародно слѣдующую рѣчь: „священники и всѣ церковныя чада! Завелись у насъ новые еретики (такъ называлъ онъ Никона); мучатъ православныхъ христіанъ, творящихъ поклоны по отеческимъ преданіямъ, а также сложеніе перстовъ (для крестнаго знаменія) толкуютъ развращенно по своему умыслу". Затѣмъ, въ крестовой архіерейской церкви, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ: „далъ благочестивый царь-государь Алексѣй Михайловичъ волю тебѣ (т. е. Никону), и ты, зазнавшись, творишь всякія поруганія, а ему-государю сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіямъ. Но ты творишь такъ, какъ сказано въ евангеліи: поругалися жидове истинному Христу... Да будетъ время, и самъ изъ Москвы побѣжишь, никѣмъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ. Да и нынѣ всѣмъ вамъ говорю, что если онъ насъ посылаетъ вдаль, то вскорѣ и самому ему бѣгать. Да и вы если о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать. Не однимъ вамъ говорю, но и всѣмъ на Москвѣ и на другихъ мѣстахъ: за молчаніе всѣмъ злѣ страдать". Когда о тѣхъ рѣчахъ донесено было дьяку съѣзжей избы въ Вологдѣ, то онъ устрашился, и поспѣшилъ выпроводить Неронова изъ Вологды въ дальнѣйшій путь [65]).

Къ сожалѣнію, зло, посѣянное Нероновымъ въ Москвѣ, успѣло уже не мало распространиться, и вражда противъ патріарха скоро обнаружилась. Царь

---

[65]) Матеріалы для истор. раскола, I, 94—108, 119. 283.

въ то время находился на войнѣ; къ концу іюля, по случаю появившейся въ Москвѣ моровой болѣзни, уѣхалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, и патріархъ Никонъ. Повѣтріе усиливалось; народъ молился въ храмахъ. Въ 25 день августа, вмѣстѣ съ народомъ, присутствовалъ въ успенскомъ соборѣ за литургіей и московскій воевода, князь Пронскій съ товарищами, которому царь поручилъ свою столицу. Когда Пронскій вышелъ изъ церкви, то увидѣлъ подлѣ нея множество народа изъ разныхъ слободъ. Земскіе люди, держа въ рукахъ икону „Спасъ нерукотворенный“, на которой ликъ былъ соскребенъ, приблизились къ боярину и начали говорить: „взятъ былъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тіунской избы для переписки; лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу“. (Это, очевидно, былъ одинъ изъ тѣхъ образовъ латинскаго письма, которые, какъ мы уже упоминали, отобраны были, по приказанію Никона, у владѣльцевъ, выскоблены и потомъ возвращены имъ для написанія православныхъ иконъ). Лапотниковъ присовокупилъ: „мнѣ было отъ этого образа явленіе; приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать“. И изъ толпы послышались голоса: „на всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы. Во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика, старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ (а между тѣмъ Арсеній и не могъ еще тогда перепортить книгъ, если бы даже и хотѣлъ; ни исправленіе, ни печатаніе книгъ въ августѣ 1654 г. еще не начались; былъ только соборъ въ Москвѣ, рѣшившій исправлять книги; въ

Царьградъ только еще посланы были о томъ вопросы: такъ—то преувеличивали дѣло и обманывали народъ враги Никона!); ведутъ насъ къ конечной гибели, а то тъчернецъ за многія ереси, вмѣсто смерти, сосланъ былъ въ соловецкій монастырь. Патріарху пристойно было быть въ Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ; а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались; православные христіане умираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда нибудь не ушли". Пронскій съ товарищами старался всячески успокоить народъ и говорилъ: „святѣйшій патріархъ пошелъ изъ Москвы по государеву указу, и когда сотскіе приходили къ нему бить челомъ, чтобы онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патріархъ казалъ имъ грамату, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ". Толпы разошлись спокойно; но въ тотъ же день снова собрались у краснаго крыльца съ иконными досками, на которыхъ лики были соскребены, и кричали: „мы разнесемъ эти доски во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу". Пронскій поспѣшилъ отписать къ царицѣ, царевичу и патріарху Никону, находившимся еще въ троице-сергіевомъ монастырѣ, и, по ихъ приказу, призвалъ къ себѣ сотскихъ и старостъ и лучшихъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, и убѣждалъ ихъ, чтобы они не приставали къ совѣту худыхъ людей, уговорили свою братью отстать отъ такого злаго начинанія, и заводчиковъ воровства выдали боярамъ. Заводчиками оказались три купца гостинной сотни Заика, Баевъ и Нагаевъ; а кто стоялъ за этими купцами, кто настроилъ ихъ и ихъ сообщниковъ противъ Никона,

осталось неизвѣстнымъ [66]). Чрезъ нѣсколько дней, въ началѣ сентября, явилась какая то женка Стефанида калужанка съ братомъ Терешкою, и оба начали разглашать, что имъ было видѣніе и велѣно книгъ не печатать и печатный дворъ запечатать. Пронскій допросилъ ихъ и распросныя рѣчи отослалъ къ царицѣ съ царевичемъ и Никону, отъ которыхъ и получилъ отвѣтъ: „та женка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ своихъ рознились: женка указывала въ видѣніи на образъ великом. Параскевы, именуемой Пятницею; а братъ ея Терешка указывалъ на образъ Пречистыя Богородицы; да женка-жъ сказывала, что тотъ братъ ея отъ роду былъ нѣмъ, а Терешка самъ про себя сказалъ, что онъ говорилъ нѣмо, а не нѣмъ былъ. И то знатно, что они солгали, и вы-бъ впредь такимъ небыличнымъ врагамъ не вѣрили. А что они въ рѣчахъ своихъ говорили, чтобъ запечатать книги: то печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ“ [67]).

Прошло болѣе года, какъ Нероновъ сосланъ былъ въ отдаленную кандалакшскую обитель. И хотя приказано было держать его тамъ на цѣпи и не давать ему чернилъ, но онъ и оттуда, въ 1655 г., имѣлъ письменныя сношенія съ царскимъ духовникомъ Вонифатьевымъ и съ братьями Плещеевыми въ Москвѣ, и прислалъ, за своею рукою, какія-то тетради архимандриту переславльскаго данилова монастыря Тихону. Десятаго же числа августа того же года Нероновъ бѣжалъ изъ своего заточенія съ тремя своими работниками и духовными дѣтьми. На пути съ

---

[66]) Столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. архивѣ, № 67. снес. примѣч. 46 и текстъ, къ которому оно относится.

[67]) Доволи. къ А. И. III, № 119, ст. VI, стр. 446.

честію былъ принятъ архимандритомъ соловецкаго монастыря Иліею и, снабженный всѣмъ, потребнымъ въ дорогѣ, отпущенъ на богомольной ладьѣ. Не доѣзжая до Архангельска, вышелъ на берегъ и съ однимъ изъ работниковъ пѣшкомъ отправился въ Москву, куда и прибылъ благополучно, между тѣмъ какъ два остальные работника, пошедшіе другою дорогой, были задержаны въ Холмогорахъ и заключены въ темницу. Въ Москвѣ Нероновъ остановился прямо у царскаго духовника Вонифатьева, и много дней жилъ у него, тайно отъ патріарха; видѣлся здѣсь съ многими своими единомышленниками и самъ посѣщалъ ихъ домы. Вонифатьевъ доложилъ о приходѣ Неронова государю, и государь не только не сказалъ о томъ Никону, а еще послалъ грамату въ Холмогоры, чтобы освободили изъ темницы двухъ работниковъ Неронова. Такимъ образомъ Вонифатьевъ и царь, хотя, повидимому, держали сторону Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ, но тайно покровительствовали и Неронову въ его противодѣйствіяхъ Никону. Въ 25 день декабря 1655 г., т. е. на самый праздникъ Рождества Христова, Нероновъ постриженъ былъ въ монашество архимандритомъ переславльскаго данилова монастыря Тихономъ въ соборной монастырской церкви, по совѣту и по собственноручной отпискѣ государева духовника, протопопа Стефана, и нареченъ Григоріемъ. Послѣ постриженія прожилъ еще сорокъ дней у протопопа Стефана въ кельѣ, у Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у государя на сѣняхъ. А потомъ, въ началѣ февраля 1656 года, удалился на житье въ спасо-ломовскую игнатіеву пустынь, гдѣ погребены были его родители, и куда нерѣдко ѣздилъ онъ и въ прежнее время. Между тѣмъ Никонъ, какъ только получилъ извѣстіе о побѣгѣ Неронова изъ кандалакшскаго монастыря, повсюду разослалъ свои при-

казы и гонцовъ, чтобы схватить его; строго наказалъ игумена и иноковъ кандалакшскаго монастыря и даже архимандрита соловецкаго монастыря Илію; но всѣ наказанія и поиски не привели ни къ чему. Никонъ узналъ о мѣстопребываніи Неронова, когда уже онъ, сдѣлавшись инокомъ, поселился въ игнатіевой пустыни. Патріаршіе боярскіе дѣти немедленно явились туда, чтобы взять бѣглеца; но онъ удалился въ сосѣднюю весь Телешшино, гдѣ крестьяне скрыли его и не захотѣли выдать посланнымъ отъ патріарха, несмотря на всѣ ихъ усилія, и даже оскорбили ихъ [68]). Тогда-то Никонъ рѣшился созвать соборъ въ Москвѣ, чтобы судить Неронова заочно. Соборъ состоялся 18 мая 1656 г., въ воскресный день послѣ Вознесенья. На соборѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, присутствовалъ и антіохійскій патріархъ Макарій, — и это было уже послѣднее личное участіе его въ тогдашнихъ соборахъ нашихъ, потому что чрезъ десять дней онъ уѣхалъ изъ Москвы на родину, щедро надѣленный царемъ и нашимъ патріархомъ [69]). Присутство-

---

[68]) Матеріал. для истор. русск. раскола, I. 137—144. 283; Правосл. Собѣсѣдн. 1858, II, 586—589.

[69]) Антіохійскій патріархъ Макарій уѣхалъ - было изъ Москвы 25 марта 1656 года, получивъ отъ государя, при прощаніи, соболями на три тысячи руб., кромѣ разныхъ другихъ подарковъ. Но едва достигъ Болхова, какъ долженъ былъ, по приглашенію государя, воротиться въ Москву, и окончательно выѣхалъ изъ нея 29-го мая того же года, послѣ Троицына дня въ четвергъ (*Павла алеп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 3, 6, 10. въ т. II, 275—277. 286—289, 303). Сербскій патріархъ—архіепископъ Гавріилъ, очень тяготившійся строгостями жизни, которымъ долженъ былъ подчиняться въ Москвѣ, отпросился на богомолье въ Іерусалимъ, и еще 5 февраля 1656 г. имѣлъ прощальную аудіенцію у государя, а къ концу марта совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы. При прощаніи, государь пожаловалъ ему соболями только на четыреста рублей, какъ обыкновенно жаловалъ архіепископамъ и митрополитамъ, и потомъ уже, по особымъ просьбамъ Гавріила, велѣлъ дать ему деньгами на саккосъ и подризникъ, подарилъ митру, посохъ и нѣсколько церковныхъ книгъ, а также изъ конюшни своей иноходца (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 32, № 15).

вали такъ же митрополиты: никейскій Григорій, молдавскій Гедеонъ, а изъ русскихъ—новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона, архіепископы: суздальскій Іосифъ, тверскій Лаврентій, астраханскій Іосифъ, псковскій Макарій, и епископъ коломенскій Александръ, также множество архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ и дьяконовъ. Неронову вмѣнили въ вину то, что онъ: а) будучи сосланъ въ монастырь, не испросилъ себѣ прощенія у святаго собора, но бѣжалъ изъ монастыря и, обходя тайно разныя мѣста, возмущаетъ не утвержденныя въ вѣрѣ души; б) написалъ многое ложное о государѣ царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, о патріархѣ Никонѣ и о всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріархахъ, отметаясь греческаго православія, и укорилъ старыя св. книги, писанныя на хартіяхъ за двѣсти, триста, пятьсотъ и болѣе лѣтъ; в) не испросивъ благословенія и не примирившись съ св. церковію, постригся отъ своего единомысленника, архимандрита переславльскаго данилова монастыря Тихона (это второе лице изъ монашествующаго духовенства, открыто присоединившееся къ четыремъ протопопамъ, враждебнымъ Никону). Вслѣдствіе всѣхъ означенныхъ винъ соборъ судилъ отсѣчь Неронова, съ его единомысленниками, отъ св. церкви и постановилъ: „Иванъ Нероновъ, иже нынѣ въ чернцахъ Григорій, и съ своими единомысленники, иже непокаряющеся святому собору, отъ святыя единосущныя Троицы и отъ св. восточныя церкве да будутъ прокляти“ [70]). И если

[70]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 9, въ т. II, 300. Подлинный актъ этого собора напечатанъ въ Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 124—133. Въ „записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона“ написано, что мая въ 18 день (1656 г.), въ седьмую недѣлю по пасхѣ, благовѣстъ къ литургіи въ соборной церкви былъ очень продолжительный: „понеже соборъ былъ со властьми въ крестовой (патріаршей) палатѣ въ благовѣстъ на бив-

соборъ московскій 1656 года, начавшійся 23 апрѣля и закончившійся 2 іюня, изрекъ анаѳему, какъ мы видѣли, собственно на неповинующихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, то настоящій соборъ изрекъ проклятіе вообще на единомысленниковъ Неронова, какъ не покоряющихся церкви во всемъ, въ чемъ не покорялся церкви Нероновъ и въ чемъ доселѣ не покоряются его послѣдователи: съ этого собора началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви, начался русскій расколъ.

Инокъ Григорій Нероновъ, проживая въ игнатьевой пустыни или скрываясь въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, и не слышалъ о соборномъ на него проклятіи. Но когда чрезъ нѣсколько времени онъ прибылъ въ Москву, то близкіе къ нему люди начали умолять его, чтобы онъ показался патріарху Никону, хотя другіе совѣтовали беречься Григорій рѣшился идти къ Никону, взявъ съ собою недавно-изданную книжку „Скрижаль“, которая произвела на него глубокое впечатлѣніе. Въ ней было напечатано, что креститься должно тремя перстами, что о томъ писали Никону всѣ четыре патріарха, а непокорныхъ предали клятвѣ, и Григорій сталъ размышлять: „кто я окаянный? Не хочу тво-

---

шаго протопопа Преч. Богородицы Казанскія Ивана Неронова“. По окончаніи собора Никонъ служилъ въ соборной церкви, вмѣстѣ съ патр. Макаріемъ, литургію, и во время малаго выхода, съ евангеліемъ, повелѣлъ своему архидіакону „взыти на амвонъ и чести вся вины написанныя бывшаго протопопа Ивана Неронова, что онъ протопопъ ему, великому государю, и всему освященному собору не покаряется, да и св. соборъ весь укоряетъ. А по прочтеніи его Нероновыхъ винъ велѣлъ архидіакону возгласить: да будетъ проклятъ. И повелѣлъ государь патріархъ и антіохійскій патріархъ всему освященному собору пѣти: да будетъ проклятъ. И по нихъ пѣли дьяки пѣвчіе по крилосамъ: да будетъ проклятъ И потомъ пѣли подъяки среди церкве: да будетъ проклятъ И паки пѣли власти всѣ соборомъ: да будетъ проклятъ. И паки дьяки и подъяки трижды“. (Рукоп. москов. синод. библ № 93, л. 65 об —68).

рить раздора со вселенскими патріархами, не буду имъ противенъ: ради чего мнѣ быть у нихъ подъ клятвою?“ И 4-го генваря 1657 года пришелъ Григорій на патріаршій дворъ, сталъ у крестовой палаты и поклонился Никону, когда онъ шелъ къ божественной литургіи. Никонъ спросилъ: „что ты за старецъ?“ „Я тотъ, отвѣчалъ Григорій, кого ты ищешь, — казанскій протопопъ Іоаннъ, въ иночествѣ Григорій“. Никонъ пошелъ въ церковь, а Григорій, идя предъ нимъ, говорилъ: „что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ будетъ иной патріархъ, все твое дѣло передѣлывать станетъ: иная тебѣ тогда честь будетъ, святый владыко“. Никонъ вошелъ въ соборную церковь, а Григорій остановился на порогѣ церковномъ. По окончаніи литургіи, патріархъ велѣлъ Григорію идти за собою въ крестовую. Здѣсь Григорій началъ говорить: „ты, святитель, приказалъ искать меня по всему государству и многихъ изъ-за меня обложилъ муками... Вотъ я предъ тобою: что хочешь со мною дѣлать? Вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь, а не покорялся тебѣ одному... Ты писалъ на меня, какъ напечатано въ книгѣ „Скрижаль“, ко вселенскимъ патріархамъ, что мы мятежъ творимъ и противимся тебѣ въ вещахъ церковныхъ; а патріархи тебѣ отвѣчали, что подобаетъ креститься тремя перстами, не покоряющихся же заповѣдали предать проклятію и отлученію. Если ты съ ними согласенъ, то я этому не противлюсь; только смотри, чтобъ была истина: я подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочу“. Никонъ ничего не отвѣчалъ, но молчалъ. Григорій продолжалъ: „какая тебѣ честь, владыко святый, что всякому ты страшенъ, и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся, — государевой-царевой власти уже не слы-

хать, а отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники страшны всѣмъ болѣе царевыхъ"... И Никонъ отвѣчалъ: „не могу, батюшка, терпѣть". И за тѣмъ подавая Григорію челобитныя (которыя поданы были царю протопопами Аввакумомъ и Даніиломъ съ братіею) сказалъ: „возьми, старецъ Григорій, и прочти". Григорій продолжалъ: „святитель, прежде мы отъ тебя много разъ слышали: греки-де и малоруссы потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ. А нынѣ то у тебя и святые люди и учители закона. Арсеній чернецъ порочный; Паисій патріархъ іерусалимскій писалъ о немъ государю, что онъ, Арсеній, еретикъ, и велѣлъ его остерегаться, потому что многія ереси содержитъ въ себѣ, былъ и въ римскомъ костелѣ и въ еллинскомъ злѣ. И благочестивый царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ Іосифомъ, сослалъ Арсенія въ соловецкій монастырь. А ты взялъ его изъ соловецкаго монастыря на смуту и устроилъ его учителемъ и правителемъ къ печатному тисненію. Есть много свидѣтелей, что онъ человѣкъ порочный". Никонъ отвѣчалъ: „лгутъ-де на него старецъ Григорій,—то-де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ, по государеву указу, и по благословенію Іосифа патріарха, въ Іерусалимъ и въ прочія государства. Григорій: „добро было бы тебѣ, святитель, подражать кроткому нашему учителю Спасу Христу, а не гордостію и мученіемъ санъ держать. Смиренъ сердцемъ Христосъ, учитель нашъ, а ты очень сердитъ". Никонъ: „прости старецъ Григорій, не могу терпѣть". Побесѣдовавъ еще нѣсколько въ томъ же родѣ, Григорій просилъ указать ему мѣсто для жительства. И Никонъ послалъ своего боярскаго сына на троицкое подворье объявить, чтобъ очистили тамъ келью для Григорія и онъ

не нуждался ни въ чемъ, и чтобъ за нимъ не наблюдали, куда онъ будетъ ходить и кто къ нему будетъ приходить. Скоро возвратился изъ похода противъ Шведовъ государь, и когда, послѣ обычной встрѣчи его въ соборной церкви (эта встрѣча происходила 14 янв. 1657 г.), власти провожали его, то онъ, увидѣвъ тутъ же старца Григорія, весело сказалъ Никону: „благослови его рукою“. Но Никонъ замѣтилъ: „изволь, государь, помолчать, — еще не было разрѣшительныхъ молитвъ“. „Да чего же ты ждешь?“ — спросилъ государь, и отошелъ въ свои палаты. Въ слѣдующее воскресенье за литургіей Никонъ приказалъ ключарю ввести въ соборную церковь, по заамвонной молитвѣ, старца Григорія, и вопросилъ его: „старецъ Григорій, пріобщаешися ли святѣй соборнѣй и апостольской церкви?“ Григорій: „не знаю, что ты говоришь; я никогда не былъ отлученъ отъ церкви, и собора на меня никакого не было... Ты положилъ на меня клятву своею дерзостію, по своей страсти, гнѣваясь на меня, какъ проклялъ и черниговскаго протопопа Михаила и скуфью съ него снялъ за то, что онъ въ книгѣ кирилловой не дѣломъ положилъ, что христіанамъ мученія не будетъ“... И Никонъ, ничего не отвѣчая, горько плакалъ и началъ читать разрѣшительныя молитвы. Плакалъ также и Григорій, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы, и по разрѣшеніи причастился св. даровъ изъ рукъ Никона. Въ тотъ же день устроилъ у себя патріархъ, „за радость мира“, трапезу, за которою посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протопоповъ, а послѣ трапезы, одаривъ Григорія, отпустилъ съ миромъ. Въ слѣдующіе дни Григорій, посѣщая Никона, просилъ разрѣшить узниковъ, страждущихъ ради его — Григорія, и патріархъ тотчасъ послалъ граматы, чтобы освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма,

какія писалъ онъ на него — Никона къ царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, и примолвилъ: „возьми, старецъ Григорій, твои письма“ [71]).

Никонъ, очевидно, желалъ искренне примириться съ Григоріемъ и, послѣ того какъ онъ возсоединился съ церковію и покорился церковной власти, готовъ былъ дѣлать ему всякое снисхожденіе; но не такъ отвѣчалъ ему Григорій. Однажды послѣдній сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ (Нероновъ разумѣлъ служебники, которыхъ самъ держался, напечатанные до служебника Никонова), но и похваляютъ“. И Никонъ отвѣчалъ: „*обои-де добры* (т. е. и прежде напечатанные и новоисправленные), — *все-де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь*“. Григорій сказалъ: „я старыхъ-де добрыхъ и держуся“, и, принявъ отъ патріарха благословеніе, вышелъ [72]). Вотъ когда началось единовѣріе въ русской церкви! Самъ Никонъ благословилъ его и дозволилъ первому и главному вождю появившагося у насъ раскола, старцу Григорію Неронову, какъ только онъ покорился церкви, совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ. А Григорій? Онъ не хотѣлъ въ душѣ примириться съ Никономъ и злобствовалъ на него. Въ день великомученицы Татіаны, 12 генваря, слѣд. уже 1658 года, царь и патріархъ были у всенощной въ соборной

---

[71]) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 145—157. О томъ же кратко говорилъ впослѣдствіи въ своей челобитной и самъ Нероновъ (тамъ же стр. 238). О встрѣчѣ царя въ успенскомъ соборѣ 14 генв. 1657 г. записано въ записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона (л. 127—128).

[72]) Матеріал.—тамъ же I, 157. Равно и о самомъ себѣ Нероновъ говорилъ въ своей челобитной къ собору 1666 года: „доселѣ держахъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а *новопечатныхъ не хулихъ*, токмо не пріимахъ“ (тамъ же стр. 242).

церкви; тутъ же былъ и старецъ Григорій. Когда Никонъ пошелъ въ алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши съ своего мѣста, приблизился къ Григорію и сказалъ: „не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій“. А старецъ въ отвѣтъ: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такаго врага Божія? Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него врага всѣмъ страхъ“. И государь, какъ бы устыдившись, скоро отошелъ отъ старца, ничего ему не сказавъ. По окончаніи службы Григорій сказалъ Патріарху: „время мнѣ, владыко, въ пустынь (игнатіеву) отъити“. И патріархъ отпустилъ его, давъ довольную милостыню. Чрезъ нѣсколько времени, въ томъ же 1658 году, старецъ Григорій опять пріѣхалъ въ Москву изъ своей пустыни и, принявъ благословеніе у патріарха, каждый день приходилъ въ его крестовую и въ келью, и былъ принимаемъ съ честію: такъ продолжалось много дней. Но неожиданно кто-то донесъ Никону, будто Григорій сожегъ новопечатный служебникъ, и тотчасъ велѣно было сыскать Григорія. Посланные отъ патріарха не нашли Григорія въ его домѣ, но захватили многихъ, находившихся тамъ, духовныхъ и мірянъ, повлекли на патріаршій дворъ, допытывали ихъ и заключили въ оковы. Услышавъ объ этомъ, Григорій, сидѣвшій въ то время у рязанскаго архіепископа Иларіона, поспѣшилъ къ окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву и закричалъ на него: „Іуда предатель! Съ тобою у меня была рѣчь о томъ, что слѣдуетъ сжечь новый служебникъ, а не дѣло“. Ртищевъ съ клятвою увѣрялъ Григорія, что не былъ на него клеветникомъ, и оба отправились къ патріарху, бывшему за всенощной въ соборной церкви. Когда дѣло объяснилось, Никонъ, по просьбѣ Григорія, немедленно приказалъ освободить всѣхъ, взятыхъ въ его домѣ,

и на другой день послалъ къ Григорію отъ себя столъ, довольно пищи и питія, чтобы угостить невинно пострадавшихъ. Въ 21 день генваря 1658 года, за всенощной въ успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троить аллилуію и прибавлять: „слава тебѣ, Боже“. Григорій, бывшій тутъ же, сталъ укорять Никона и говорить, что преп. Евфросинъ псковскій былъ у вселенскихъ патріарховъ, вопрошая о вещи сей, и заповѣдалъ двоить аллилуію. Никонъ назвалъ сказаніе о Евфросинѣ ложнымъ. Но Григорій не успокоился. Онъ „умолилъ успенскаго протопопа съ братіею, чтобъ аллилуіи въ соборной церкви на крылосахъ не троили. Тѣ послушали старца, говорили аллилуію на крылосахъ по дважды, а въ третье: „слава тебѣ, Боже“. Патріархъ же ничего имъ за это не замѣчалъ; только при чтеніи псалтыря поддьякъ троилъ аллилуія, по заповѣди патріарха. Во всѣ дни старецъ приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крылосахъ протопопъ съ братіею говорили по дважды до самаго отъѣзда старца изъ Москвы. Патріархъ же во всѣ дни посылалъ столы къ старцу и, отпуская его въ пустынь, далъ ему довольную милостыню“. Такимъ дозволеніемъ двоить аллилуію даже въ успенскомъ соборѣ, по желанію старца Григорія, послѣ того какъ онъ присоединился къ церкви и покорился церковной власти, Никонъ еще разъ показалъ, что готовъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ-называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣріи съ церковію и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи. Никонъ и Нероновъ видѣлись и простились теперь въ послѣдній разъ: въ началѣ мая старецъ Нероновъ былъ уже въ своей пустынѣ, а 10 іюля того же 1658 г. Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру, удалившись въ Воскресенскій монастырь, и дѣятельность

Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ навсегда окончилась [73]).

Что же должно сказать о всей этой дѣятельности, отъ ея начала до конца, если смотрѣть на нее безъ предъубѣжденія. Никонъ не затѣвалъ ничего новаго, когда рѣшился приступить къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ: исправленіе этихъ книгъ совершалось у насъ и прежде, во время печатанія ихъ, при каждомъ изъ бывшихъ патріарховъ. Никонъ хотѣлъ только исправить книги лучше, чѣмъ исправлялись онѣ прежде. Прежде книги правились по однимъ славянскимъ спискамъ, которыя тѣми или другими справщиками признаваемы были „добрыми". Никонъ пожелалъ исправить наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ, но и по греческимъ спискамъ, и притомъ по спискамъ, славянскимъ и греческимъ, древнимъ, чтобы очистить эти книги отъ всѣхъ погрѣшностей, прибавокъ и новшествъ, какія вкрались въ нихъ съ теченіемъ времени, особенно въ два послѣднія столѣтія, и для многихъ уже не казались новшествами,—чтобы возстановить у насъ богослуженіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существовало оно въ древней церкви, русской и греческой,—чтобы привести нашу церковь въ полное согласіе съ греческою и вообще со всею восточною православною, даже по церковнымъ обрядамъ. И за такое исправленіе книгъ Никонъ принялся не по прихоти или злонамѣренности, а по настоятельной нуждѣ. Его укоряли іерархи, приходившіе къ намъ съ востока, въ разныхъ отступленіяхъ нашей церкви отъ греческой, какимъ особенно казалось имъ двуперстіе въ крестномъ знаменіи. Онъ самъ лично убѣдился, вскорѣ по восшествіи на патріаршую каѳедру, что такія отступ-

---

[73]) Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 157—163.

ленія дѣйствительно встрѣчаются въ нашихъ печатныхъ книгахъ и даже въ Символѣ вѣры. Онъ зналъ, какую важность приписывали нѣкоторымъ изъ этихъ отступленій Греки, какъ признали они еретическими и сожгли на Аѳонѣ московскія книги, въ которыхъ было напечатано ученіе о двуперстіи для крестнаго знаменія. Необходимо было устранить всѣ этого рода несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы они не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обѣими церквами. И Никонъ началъ свое великое дѣло—исправленія нашихъ церковныхъ книгъ, но не самъ собою, а по рѣшенію и указаніямъ двухъ соборовъ, московскаго и константинопольскаго. Никонъ исправилъ книгу Служебникъ, но не прежде напечаталъ, какъ подвергнувъ ее тщательному разсмотрѣнію цѣлаго собора. Напечаталъ книгу Скрижаль, но не выпускалъ ее въ свѣтъ, пока она не была вся пересмотрѣна и одобрена соборомъ. Приготовилъ къ печатанію книгу Требникъ и до напечатанія подвергъ ее также внимательному обсужденію на соборѣ. Никонъ изрекъ анаѳему на непокорныхъ, неповиновавшихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; но изрекъ не одинъ, а вмѣстѣ съ соборомъ русскихъ архіереевъ, и уже послѣ того, какъ на этихъ непокорныхъ изрекли анаѳему извѣстные восточные іерархи. Никонъ предалъ анаѳемѣ Неронова и его единомысленниковъ, сопротивлявшихся церковной власти; но предалъ съ согласія всего собора, на которомъ находились и восточные святители, въ томъ числѣ антіохійскій патріархъ, и слѣдуя наставленію цареградскаго патріарха и собора относительно Неронова. Выходитъ, что вся дѣятельность Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ совершалась не имъ единолично, а съ согласія, съ одобренія и при живомъ участіи представителей не только

русскаго, но и восточнаго духовенства и всей церкви. На Никона нападали, что онъ былъ крайне строгъ къ своимъ противникамъ. Но онъ могъ быть слишкомъ строгимъ и даже несправедливымъ, могъ имѣть и другіе недостатки, могъ вредить своею горячностію успѣхамъ своего дѣла; а самое дѣло исправленія церковныхъ книгъ, тѣмъ не менѣе, оставалось чистымъ, законнымъ и святымъ,—не говоримъ уже, что строгія и суровыя наказанія вообще были въ духѣ того времени, и что противники Никона, по своей дерзости противъ него, заслуживали такой строгости.

Кто же были эти противники Никона? Первымъ и главнымъ противникомъ былъ протопопъ московскаго казанскаго собора Нероновъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ единомысленниковъ и друзей, въ составъ котораго входили три иногородные протопопа: костромскій Даніилъ, муромскій Логгинъ, юрьевскій Аввакумъ и одинъ епископъ—коломенскій Павелъ. Но дѣятельность этихъ единомысленниковъ Неронова была не обширна при Никонѣ и непродолжительна. Они возстали, вмѣстѣ съ Нероновымъ собственно только противъ двухъ первыхъ распоряженій Никона о поклонахъ и о троеперстіи для крестнаго знаменія, когда Никонъ еще не начиналъ исправленія книгъ, и немедленно сосланы были всѣ въ разныя заточенія. Протопопы сосланы были еще въ 1653 году: Даніилъ въ Астрахань, гдѣ и скончался въ темницѣ; Логгинъ въ Муромъ, гдѣ также, вѣроятно, скоро скончался, такъ какъ о дѣятельности его не сохранилось болѣе никакихъ извѣстій; Аввакумъ—сперва въ Тобольскъ, а потомъ еще далѣе въ глубь Сибири на Лену, гдѣ и оставался, пока Никонъ занималъ патріаршую каѳедру; а епископъ Павелъ заточенъ былъ около половины 1654 г. въ новгородскіе предѣлы, и болѣе никакихъ извѣстій о немъ, у самихъ раскольниковъ,

не сохранилось: вѣрно, скоро скончался. Одинъ Нероновъ, хотя также сосланъ былъ еще въ 1653 г. въ спасокаменскій монастырь, а потомъ въ отдаленный монастырь кандалакшскій, не переставалъ ратовать противъ Никона постоянно, во все время исправленія имъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, и своими письмами въ Москву и другія мѣста, своими устными бесѣдами пріобрѣталъ себѣ многихъ послѣдователей и единомысленниковъ, изъ которыхъ извѣстны по именамъ: златоустовскій игуменъ въ Москвѣ Ѳеоктистъ и даниловскій игуменъ въ Переславлѣ Тихонъ. Другіе дѣятели раскола тогда еще не выступали: они сдѣлались извѣстными уже по удаленіи Никона съ патріаршей каѳедры. Какъ значительно было число сочувствовавшихъ Неронову, особенно въ Москвѣ, это обнаружилось послѣ бѣгства его изъ кандалакшскаго монастыря, когда всѣ старанія Никона отыскать и схватить бѣглеца оставались тщетными, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ безопасно скрывался въ самой столицѣ. Въ 18 день мая 1656 года Никонъ съ соборомъ русскихъ и нѣкоторыхъ греческихъ архіереевъ, изрекъ, наконецъ, анаѳему на Неронова и его единомысленниковъ, и получилъ начало русскій расколъ глаголемаго старообрядства. Но это начало было непрочно: потому что черезъ семь съ небольшимъ мѣсяцевъ самъ Нероновъ, глава раскола присоединился къ православной церкви, принялъ троеперстное крестное знаменіе, покоряясь голосу восточныхъ патріарховъ, похвалялъ книгу Скрижаль, изданную Никономъ, и даже убѣждалъ къ томуже своихъ послѣдователей [74]). Правда, Нероновъ, и по присоедине-

[74]) Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у бывшаго златоустовскаго игумена Ѳеоктиста, находилась „отписка Григорія Неронова за его рукою, что онъ вѣруетъ Скрижали“ (Матеріал. для исторіи русск. раскола 1, 338). Ѳеоктистъ касательно этой рукописи далъ

нiи къ церкви, желалъ держаться старыхъ печатныхъ книгъ; но Никонъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предавъ проклятію не покорявшихся церкви изъ-за старыхъ книгъ и обрядовъ, отнюдь не проклиналъ самихъ этихъ книгъ и обрядовъ, и потому позволилъ Неронову, когда онъ покорился церкви, держаться и старопечатныхъ книгъ, назвалъ ихъ даже добрыми и сказалъ, что все равно, по старымъ ли или по новоисправленнымъ книгамъ, служить Богу; позволилъ, въ частности, и двоить и троить аллилуію въ самомъ успенскомъ соборѣ за однѣми и тѣми же службами. Отсюда можемъ заключать, что если бы продолжилось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей каѳедры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, то же самое, что дозволилъ Неронову: лишь бы только они покорялись церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и тойже церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ, исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ разности между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, правленнымъ и напечатаннымъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебни-

---

слѣдующее показаніе: „что похвалялъ старецъ Григорей Скрижаль духовную и сложеніе тріехъ перстовъ за его Григорьевой рукою, тѣ отписки я взялъ у тѣхъ людей, къ кому онѣ писаны“ (тамъ же стр. 342). Да и самъ Нероновъ въ своей челобитной говорилъ: „увѣри мя (Никонъ) свидѣтельствомъ божественнаго писанія и посланіемъ святѣйшаго Паисія, вселенскаго православнаго патріарха, о сложеніи перстъ и о исповѣданіи православныя вѣры и о прочихъ церковныхъ догматѣхъ, о нихъ же я, убогій, въ сомнѣніи былъ“ (тамъ же стр. 238).

камъ и требникамъ, напечатаннымъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя разности [75]). Такимъ-образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало по малу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ-называемое нынѣ единовѣріе.

Къ крайнему сожалѣнію, по удаленіи Никона съ каѳедры, обстоятельства совершенно измѣнились. Проповѣдники раскола нашли себѣ, въ наступившій періодъ между-патріаршества, сильное покровительство; начали рѣзко нападать на церковь и ея іерархію, возбуждать противъ нея народъ, и своею возмутительною дѣятельностію вынудили церковную власть употребить противъ нихъ каноническія мѣры. И тогда-то вновь возникъ, образовался и утвердился тотъ русскій расколъ, который существуетъ доселѣ, и который, слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, получилъ свое начало не при Никонѣ, а уже послѣ него.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

---

75) Были уже у насъ и тогда люди, которые, хотя съ предубѣжденіемъ встрѣтили новоисправленныя книги, напечатанныя при Никонѣ, но вскорѣ начали смотрѣть и на новыя и на старопечатныя книги одинаково и совершать церковныя службы, какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ (Житіе суздальскаго митрополита Иларіона, стр. 31—35, Казань, 1868).